

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

ПЕРВЫЙ
К БОЮ ГОТОВ!

Сергей САМАРОВ

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров

Первый к бою готов!

«Автор»

2007

Самаров С. В.

Первый к бою готов! / С. В. Самаров — «Автор»,
2007 — (Спецназ ГРУ)

Бывшие спецназовцы ГРУ Онуфриенко и Волк еще молоды, но повидали такое, что хватит на несколько жизней. Рейды по чеченским ущельям, смертельно опасные операции, несколько страшных месяцев плена... Да и на гражданке жизнь не балует – приходится пускаться в сомнительные аферы. В очередной раз куш обещает быть неплохим – полтора миллиона баксов. Только вот «оборотень» в милицейских погонах решил все захватить себе. Хитро задумал подставу, да не учел, что спецназ ГРУ виртуозно владеет всеми видами оружия и умеет логически мыслить. Война всему научит...

© Самаров С. В., 2007

© Автор, 2007

Содержание

ПРОЛОГ	6
ГЛАВА ПЕРВАЯ	9
1. ОНУФРИЙ	9
2. ВОЛК	16
ГЛАВА ВТОРАЯ	21
1. ОНУФРИЙ	21
2. ПОДПОЛКОВНИК ПЕТРОВ	27
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	34
1. ОНУФРИЙ	34
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Сергей Самаров

Первый к бою готов!

Книга основана на реальных событиях первой чеченской войны, когда в чеченский плен попал отряд разведчиков 22-й отдельной бригады специального назначения. Автор использовал устные рассказы разных участников первой чеченской войны и вставил их в эпизоды указанных событий. Таким образом, читатель, перед тобой только роман, и автор не придерживается документальных материалов, а имена героев романа и их послевоенная судьба вымышлены. Любое сходство имен и событий, за исключением главного, может быть только совпадением.

ПРОЛОГ

То ли дождь со снегом, то ли снег с дождем... Ну и зима выдалась... И так частит, с такой густотой небесная мокрая и хлюпающая хмарь на землю валится, что дорога впереди видна только на уровне ближнего света, хотя фары, конечно, на дальний свет включены. И «противотуманки» не спасают. «Противотуманки» вообще только под колеса светят... Как ехать в такую погоду? Ползком да и только...

Два большегрузных контейнеровоза «Вольво» тащились по дороге, выбрасывая пар и гарь из выхлопных труб, и только изредка попадалась им навстречу какая-то запоздалая машина, покинувшая недалекий город не иначе как по великой надобности. Не дурак в такую погоду из гаража ради удовольствия не выедет. И только дальнбойщикам, уже долгое время в пути находящимся, приходится с погодой мириться, и мерить, и мерить километры колесами – работа такая распроклятая. Но и они с наступлением темноты всегда стремятся занять место где-то, где и перекусить можно, и с коллегами мнениями обменяться. И, что по нынешним временам немаловажно, где безопасно, потому что безопасно не везде и не всегда...

Безопасными места, как правило, считаются около стационарных постов ГИБДД. Менты там разные встречаются. Некоторым платить приходится за право неподалеку остановиться. Некоторые просто рукой машут – жалко, что ли, стой, где нравится... И те, и другие не берут на себя ответственность за безопасность груза. Но сами дальнбойщики рядом с ментами чувствуют себя спокойнее. Психологический фактор... К тому же в таких местах обычно предприимчивыми людьми, которые толк в маркетинге знают, ставятся несколько павильонов кафе и магазинов. В кафе перекусить можно, потому что горячая пища всем требуется, а в магазинах можно все что душе угодно купить – от запасных частей для грузовых иномарок до презервативов с годовой гарантией. Все для тех, кто живет в дороге... Полный комплекс услуг...

Два контейнеровоза «Вольво», однако, в этот трудный день никак не успевали добраться до ближайшего поста. Водители эту дорогу знали плохо, чувствовали себя неуверенно, но тащились и тащились в темноту, преодолевая усталость. От такой дороги за день устать немудрено...

После очередного поворота водитель первой машины увидел впереди «карман», как обычно называют расположенную рядом с дорогой площадку, специально предназначенную для отдыха водителей. И там уже устроилось, мордами в круг, четыре фуры. Вместе безопаснее. Дальнбойщики друг друга всегда поддерживают, если что-то не так выходит. И потому две «Вольво», не останавливаясь для совещания, свернули в «карман» и пристроились рядом. Нет кафе – не беда. В машине всегда найдется чем перекусить. А к утру погода, глядишь, и развеется... Не век же с неба слякоти валиться...

* * *

Ночевка началась спокойно и задолго до наступления настоящей ночи, если отсчитывать начало ночи по стрелке часов, и никаких неприятностей не предвиделось. Только уже после двенадцати откуда-то с дороги съехал «Ниссан Патрол» с прицепом, покрытым брезентом, осветил фарами фуры и водителей, разговаривающих через открытые дверцы и устраивающихся на ночлег. В тяжелом внедорожнике сидело два человека – водитель и пассажир. Лиц в темноте, да еще и за слабо тонированными стеклами, видно не было, но на короткое мгновение в «Ниссане» все же зажегся свет, и это дало возможность рассмотреть, сколько человек в салоне. Ни водитель, ни пассажир из машины не вышли, но, судя по всему, тоже посчитали

ночевку здесь более безопасным занятием, чем ночная езда. У шестерых дальнобойщиков они опасения не вызвали, потому что водитель водителю в дальней дороге всегда сочувствует.

Утром дальнобойщики, умеющие ценить время, которое для них в прямом смысле отождествляется с деньгами, собирались отправиться на следующий отрезок пути рано, поэтому предпочли сон разговорам, тем более что разговаривать под дождем не хотелось, как не хотелось и кричать издали над припущенным стеклом кабины. И потому водители уснули быстро, привычные к отдыху в машине.

Среди ночи один из водителей «Вольво» проснулся от беспокойства. Показалось, что сквозь сон он уловил какой-то посторонний звук. Стараясь не шуметь скрипучим сиденьем, водитель сел и прислушался. Звук повторился, и теперь уже удалось определить, что раздается он, несомненно, из опломбированного контейнера. Мысль сразу стала четкой – грабят! Тут же и «Ниссан» вспомнился...

Водитель схватил в одну руку монтировку, во вторую – газовый пистолет, выпрыгнул из кабины и стукнул в дверцу второй «Вольво», стоящей рядом. Второй водитель выглянул, сразу все понял и, выскакивая из своей кабины, стукнул в дверцу соседней машины. И тридцати секунд не прошло, как шестеро дальнобойщиков уже были позади первого контейнеровоза.

Тревога оказалась не ложной. Пломба была сорвана, двери контейнера распахнуты, а рядом с ними стояли двое из «Ниссана», оба в масках «ночь»¹, закрывающих лицо, но оставляющих глаза открытыми. Один из них, видимо, только что выпрыгнул из машины, услышав тревогу и поспешив сообщнику на помощь.

Дальнобойщики покушения на свой груз не прощают. Шестеро на двоих – пугаться, казалось бы, нечего. Но, как оказалось в действительности, пугаться стоило. Шестеро и подойти близко не успели, как двое сами быстро приблизились. Монтировки только поднялись, но не успели опуститься, выстрел из газового пистолета никому вообще неприятностей не доставил, потому что водитель стрелял, уже падая от удара ногой в лицо, и старательно целился в облака – во все сразу. Атака двоих из «Ниссана» была такой стремительной и мощной, что дальнобойщики и опомниться не успели, как оказались на грязном асфальте, проверяя температуру воды в лужах, покрытых мокрым снегом... Двое из «Ниссана» били точно и жестоко, выверенными, тщательно отработанными ударами – спецы...

Но победители, хотя им уже никто не мешал, почему-то не стали продолжать грабеж. Переглянувшись, они друг другу кивнули и вдруг завыли по-волчьи. Да так завыли, что дальнобойщики сразу в себя пришли. А бандиты, остановив вой, опять переглянулись и молча сели в свой внедорожник, уже в салоне сняли маски, и машина, урча остывшим двигателем, тут же выехала на шоссе. Свет фар и габаритных огней быстро скрылся за ближайшим поворотом.

Дальнобойщики поднимались, ощупывали себя и трясли очумелыми головами. Удары им достались не самые слабые и совсем не напоминающие пощечины.

– Не взяли ничего, волки... – сказал один. – Я видел – сразу уехали... Мне как дали локтем в лобешник, я головой в колесо, а не в асфальт... Самортизировал... Так сидеть у колеса и остался... Но сижу, не брыкаюсь... И одним глазом посматриваю... Я номер ихний запомнил... Московский номер... До Москвы еще пару дней пилить... Если заявить, перехватят...

– Взяти – не взяти... Все одно заявить надо, это точно... Какой номер? Я запишу... – Водитель побежал за блокнотом и ручкой.

– А как били... Сволочи... – сказал третий. – Как убить хотели...

– Классно мочили... – четвертому, кажется, досталось меньше других, и он мог оценить драку по достоинству. – А что они вдруг взвыли?..

¹ Маска «ночь» – часть камуфлированного костюма, может быть любого цвета, представляет собой трикотажную шапку, которую легко опустить на лицо, закрыв его целиком. В маске имеются прорези для обзора и, как правило, для дыхания.

– Или сигнал кому-то подали, или просто нас припугнули... Никого хоть не укусили, бешеные?..

Пятый и шестой вообще говорить не хотели и только челюсти ощупывали, справедливо опасаясь переломов. При переломах челюсти разговаривать опасно, и со стороны это всегда воспринимается со смехом. А смех вместо сочувствия пострадавших злит...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1. ОНУФРИЙ

Зеркало, что ли, купить себе нормальное... Из толстого стекла, и чтобы с обратной стороны серебром было покрыто, а не дерьмовой краской, которая облезает от времени, и время при этом измеряется неделями... Говорят, чем толще стекло, тем зеркало лучше. И чтобы во всю стену ванной комнаты было... И обязательное покрытие серебряной эмульсией... Я могу себе такое позволить – один, слава богу, живу, ни перед кем не отчитываюсь и делаю что душа пожелает... Я многое могу себе позволить и очень люблю себе многое позволять... Я даже могу себе позволить сделать вот так...

Я медленно, со вкусом поднял пистолет и навел его в зеркало на свое отражение. И легко заставил себя всерьез воспринимать происходящее. Что, страшно? Кому-то, может быть, и пришлось бы штаны менять от такого... Но я, пардон, привычный... Ствол мне в нос смотрел, а я улыбался, потому что стволом меня испугать трудно... Пуганный!..

Можно даже так вот попробовать...

Я навернул на ствол глушитель и повторил.

Теперь это уже выглядит серьезнее, впечатляет больше, только меня уже и этим не прошибешь... Меня, говоря честно, и автоматным стволом не прошибешь... И несколькими стволами автоматными, проверено...

* * *

...– Падаль русская...

Чечены меня на колени ставили, втроем держали – один за шиворот, потому что за волосы ухватить не мог – меня, как «молодого», подстригли тогда коротко, – двое руки за спину завернули – иначе поставить меня на колени не получалось. Так, сволочи, поставили... И автомат в нос, как кулак, чтобы запах пороховой гари почувствовал и одновременно вкус собственной крови ощутил...

А я совсем не испугался... Я думал тогда – вспышку увижу, и все... Вся боль пройдет, все унижение останется где-то там, позади... Не будет ничего, ни боли, ни унижения... И не страшно было перед будущим, потому что я не знал, что впереди меня ждет, я не знал, как и все не знают, что такое смерть и есть ли жизнь после смерти... Или жизнь после жизни... Не все ли равно... Раньше или позже узнаю...

Я озлоблен был... На всех...

Если бы я испугался, чечены, может быть, и пристрелили бы меня... Они точно так же двоих уже пристрелили... Которые сами с готовностью на колени встали и испуг показали... Контрактников... Они контрактников особенно не любят, наемниками их зовут... Но чечены народ такой – им унижить надо, им надо свою власть не просто показать, а и самим почувствовать. Тот, кто их не боится, их не устраивает мертвым... И им надо было заставить меня живого испугаться... А я не боялся... Не смеялся над близкой смертью и не плакал в ее ожидании... Просто не боялся... И через час не боялся, когда меня снова на расстрел повели... И на следующий день, когда в третий раз повели, тоже не боялся... Только тогда меня еще заставили себе могилу копать... Земля у них хреновая, если ее вообще можно землей назвать... Сплошные камни, песком пересыпанные и другими камнями, поменьше... И копай, и копай... Ладони в кровь, и губы в кровь, потому что прикусываешь их со злости... Но не боялся...

Я озлоблен был... На всех...

Палачи они опытные, знают, как с людьми обращаться, чтобы сломать... Они каждый вечер в течение месяца мне говорили, что утром расстреляют... Чтобы я ночь не спал, чтобы думал и страдал, представляя свою смерть... Я думал... Я представлял... Но я не страдал... Я смерти ждал как избавления... Но им этого было не понять... Они сломать характер хотели, а это не получалось... Такого, как я, нельзя сломать... Меня только убить можно... Убивайте, если можете... Не можете – тогда я убью... При первой возможности...

Я озлоблен был... На всех...

Все наши через это прошли... Но не все так озлобились, некоторые просто пугались... А я не пугался... И чечен этим озлоблял...

* * *

Я даже тогда озлобляюсь, когда вспоминать это начинаю... Как сейчас...

Озлобляюсь? А кто это знает, кроме меня самого? Кто знает, что я озлобляюсь?... В самые нервные моменты... Вот... Я озлоблен... Зеркало, однако, показывало мне спокойное, чуть насмешливое лицо, которое трудно смутить пистолетным стволом. Даже стволом пистолета с глушителем... И желтые волчьи глаза не мигали перед страшным черным отверстием, в котором живет быстрая огненная смерть. Женщинам мои глаза нравятся... Женщины любят жестокость, хотя часто называют ее простой жесткостью и мужественностью... Настоящий, дескать, мужчина, раритет в нашей повседневности, когда кругом всякая «голубизна» оскорбляет женские желания... И я, склонности к скромности никогда не испытывая, согласен с ними... И даже значение этому придаю... Пожалуй, даже соглашусь, если мне скажут, что женщины – это моя слабость. Не любовь, а просто слабость. И я люблю, когда любят меня, но не больше... Большого – обязательств, обещаний, замаскированной надежды, всего этого я стараюсь избегать и никогда им ничего не обещаю. Хотят любить, пусть любят. Я согласен. И это максимум того, что я им разрешаю. Но я всегда хочу выглядеть перед женщинами красиво, даже при прощании... С женщинами мне бывает хорошо, я с ними расслабляюсь... Но даже и они никогда не видят моей озлобленности, хотя считают себя более чуткими, чем мужчины, существами.

Там, в горах, чеченам, что издевались надо мной и над другими несколько месяцев, озлобленность показывать было можно и нужно, потому что они мечтали меня этой озлобленности лишиться, и, может быть, поэтому не убивали, как убили тех двух контрактников... Сейчас, когда уже чуть больше двенадцати лет прошло, я озлобленность глубоко прячу, я в любой обстановке привык быть обаятельным и привлекательным, умело управляя своим лицом... И особенно тогда, когда меня разозлят, потому что я этого не прощаю... Злобы моей уже много лет никто не видел...

Ее люди только чувствовали, когда я ее проявлял...

Владеть собой – это главное, что должен уметь делать мужчина! Все остальное приложится. И успех в жизни ждет только того, кто собой умеет владеть в любой ситуации... Кто зол и безжалостен... Кто силен... Время такое, волчье...

* * *

На прошлой неделе ментовский старший лейтенант Васька, мой друг детства и одноклассник, тоже обосновавшийся ныне в Москве, позвонил мне на мобилу и попросил помочь ему с переездом на новую квартиру. Он квартиру купил... Двухкомнатную... Отказать Ваське я не мог, тем более что здоровьем не обижен и потаскать мебель для меня – зарядка... Потом, когда старенькую мебель в квартиру затащили, когда жена Васьки приготовила что-то, споты-

каясь на малюсенькой кухне о не разложенный по полочкам и шкафчикам хлам, все мы, кто вызвался Ваське помочь – а все остальные были ментами, сослуживцами виновника переполоха, – сели за стол и выпили... Прилично, помню, выпили... Васька начал хвастать... Он всего за два года накопил на квартиру, хотя раньше вынужден был с женой и ребенком жить вместе с родителями жены. Васька рассказывал, как он работал сутками, сразу в трех местах помимо службы, брал лишние дежурства, как он вертелся, как он во всем отказывал себе, жене и даже ребенку, чтобы только купить эти тесные панельные стены...

Я слушал, слушал лучшего друга детства, и вдруг такая злость меня охватила... Неумная... Такая злость, что мне стоило невероятных усилий хлопнуть Ваську по плечу и сказать ему банальное и сакраментальное:

– Ты у нас молодец... Всего в жизни сам добиваешься... А надо было просто *больше* взяток брать...

Я даже не сказал просто, что надо взятки брать... Я сказал именно «больше взяток»... Васька не смутился, из чего я сделал вывод, что он еще чином на хорошие взятки не вышел, а на мелких разве зарабатываешь на квартиру...

Но я бы сам от такой жизни просто застрелился...

Я тоже всего в жизни добиваюсь сам, только живу не так, как Васька... И один занимаю трехкомнатную квартиру в элитном доме...

* * *

А большое зеркало я себе все же куплю... Мне нравится смотреть в зеркало и видеть себя то с одного бока, то с другого... Плохо только, что я люблю наставлять на свое зеркальное отображение пистолет... Иногда и пистолет с глушителем... И каждый раз вспоминаю...

Я даже знаю корни этого воспоминания, как знаю корни своей любви к зеркалам...

Они оттуда растут, из чеченского зиндана²... И уже никогда мне от этих корней не оторваться... Я там думал о зеркале... Я не видел себя со стороны, хотя на ощупь знал, что моя разбитая, покрытая коростой физиономия может внушать только жалость. А это злило меня больше всего... И зеркала хотелось... Хотелось посмотреть на себя, чтобы знать, что я не жалок, что я не смешон, что я зол и опасен...

Зеркало в зиндане чеченами предусмотрено не было... А сам я там возможности не имел зеркало купить и установить. Зато могу себе позволить это здесь... А если захочу, то и не одно зеркало, много зеркал... Хоть все стены обширной ванной комнаты закрою зеркалами... И все они будут из толстого стекла, и покрыты будут серебряной эмульсией...

* * *

Телефонный звонок не позволил мне окончательно решить главный вопрос жизни на современном ее этапе – каким будет мое зеркало или зеркала, если их будет много. А я ко всем жизненно важным вопросам отношусь серьезно. И потому, отыскав трубку в дальней комнате в кресле рядом с письменным столом, я ответил раздраженно:

– Слушаю...

– Сыно-ок... – издали раздался голос матери и заставил меня поморщиться. Я уже по голосу понял ее состояние и готов был нос зажать, чтобы телефонная трубка не донесла до меня запах сивушного самогона.

² Зиндан – тюрьма у мусульманских народов Средней Азии и Кавказа. Глубокая яма, в которую сажали пленников и преступников.

– Что тебе?.. – это я вместо «здравствуй». «Здравствуй» говорить матери нельзя, иначе она обнаглеет и пожелает на шею сесть. Она тоже мое настроение чувствовать умеет и знает, когда и как подмазаться...

– С Новым годом, сынок...

Вовремя вспомнила! Или после Нового года только проснулась?..

– После Нового года уже две с лишним недели прошло...

– Я дозвониться тебе никак не могла...

Можно подумать, что она пыталась... Они с отцом если и выходили из дома, то только к соседке тетке Валентине за самогонкой. Да и то отец едва ли ходил... Мать обычно гнал... Тетка Валентина самогонку делает такую, что этой отравой можно клопов морить... И потому у нее покупают только те, кто живет рядом и на другой конец деревни за хорошим самогоном дойти не может. Я, грешен, в хорошем настроении пребывая, перед Новым годом послал родителям пять тысяч «деревянных»... Похоже, кончились, иначе мать не позвонила бы...

– Что ты хочешь?

– Сынок, скоро опять праздник ведь...

– Какой?

– Крещение... Морозы обещают, а у нас дров нет... – мать не решилась сказать, что праздник хотела бы отпраздновать, но не на что, и потому про крещенские морозы вспомнила.

– А у меня собственного леса нет... Негде мне дрова рубить...

Нынешняя зима такая, что дрова, похоже, и не понадобятся никому... Ну, может, на Крещение дождь в снег перейдет, но это зиму менее противной не сделает...

– Может, поможешь как-то, а то у нас отец уже не ходит...

Начинается обычное нытье...

– Что, мне приехать, дров нарубить?

Мать злобного ехидства не слышит.

– Отец совсем плох стал...

– Я пришлю денег... – пообещал я с идущим из глубины души вздохом и почесал себе висок глушителем пистолета. Глушитель сам к виску тянулся, и от голоса матери палец готов был на спусковой крючок нажать. Правда, предохранитель в положение стрельбы я не опускал...

– Спасибо, родной...

Матери только этого и надо было. Это единственная цель ее звонка... Говорят, самогонка в последнее время подорожала – инфляция...

Как из дома выйду, заеду на почту – перевод отправлю...

Иногда я сам думаю: люблю ли я отца с матерью? Наверное, все же люблю, хотя всегда груб с ними, хотя раздражают они единственным своим желанием – получить с меня деньги и как можно скорее пропить их...

Они считают, что именно для этого меня и растили...

* * *

В маленькой комнате у меня зеркало тоже есть – дверь в кладовку зеркалом закрыта. Правда, в этой комнате всегда теневые шторы задвинуты. Шторы красные. Утром в комнате красиво. Воздух становится красным, потому что окно на восток выходит, солнце встает и пытается сквозь стекло пробиться в комнату, чтобы в зеркало посмотреться – дверь в кладовку как раз напротив окна. Летом окно открыть можно и солнце побаловать, но в середине января этого лучше не делать. Да и погода нынешней слякотной зимой не солнечная...

В полумраке пистолет, наставленный в зеркальное отражение, выглядит более грозно, чем при ярком освещении в ванной комнате. Автомат вечером выглядит совсем не так... Даже

если он в руках чеченского боевика... Тогда, к концу плена, я совсем перестал бояться их автоматов, точно так же, как и их побоев... И мозоли на руках превратились в жесткие наросты. Это не мешало тренированно выкапывать себе очередную могилу...

* * *

...– Младший сержант Онуфрие-ен-н-нко-о-о... – в конце моей фамилии звучание обычно поднималось до львиного рыка. Этому уроду, нашему командиру роты капитану Петрову, ужасно нравилось так зычно мою фамилию произносить. И обязательно хохотнуть потом, радуясь собственной дури.

Я сейчас иногда смотрю по телевизору профессиональный бокс, и часто на боях представление боксеров проводит какой-то знаменитый их спецведущий... Баффер, кажется... Он точно так же в микрофон орет, как капитан Петров. Но этот Баффер свою манеру представления запатентовал, и если кто-то желает повторить ее, обязан патент купить. Говорят, покупают... Петрову, дураку, тоже следовало запатентовать свой рык... Тогда он мог бы и с Баффера денежки содрать... И с других офицеров... У нас среди офицеров дурь популярностью пользуется...

Звание младшего сержанта мне дали после окончания учебки. Полгода натаскивали. Но когда после учебки в часть приходишь, даже младшим сержантом, все равно «молодым» остаешься, поскольку службы, как считалось, пока не нюхал... И приходится нюхать... И от «стариков», и от «дедов», и от офицеров...

Не так страшен черт, как его малюют, конечно... Перед армией невесть чем пугали, а здесь было терпимо... Для большинства. И я, впрочем, терпел, хотя мне было легче, чем другим... Наши «старики» и «деды» моего взгляда не выдерживали. Я уже тогда знал, что, если долго кому-то в глаза смотрю, чуть голову опустив так, чтобы под зрачком полоска глазного белка была видна, мой взгляд мало кто выдержать может. Люди его пугаются и глаза старательно отводят... Я именно так на «стариков» и на «дедов» смотрел. Меня почему-то уважать стали. Хотя не баловали... Но тогда я еще не был злым... Добрым я никогда не был, но и злым не был тоже...

А командир роты меня всегда злил своей манерой мою фамилию произносить. Это потом мы сдружились, а сначала я его невзлюбил... Капитана, помнится, я тоже пытался взглядом «придавить», но он своими «пуговицами» в глаза никому и никогда долго не смотрел. Он руками, как баба, всплеснет, отдаст приказание и уже бежит куда-то еще, уже забыв о том, что тебе приказал...

Но на зов командира, раздавшийся из ротной канцелярии, откликаться положено сразу, тем более здесь, на войне, хотя мы тогда еще не знали, что это многолетняя война, и нам даже обещали, что, как только новый, 1995 год встретим, после этого вскоре назад отправимся... Правда, от нас до настоящей войны тоже не близко было... Мы в Моздоке стояли... Вернее, еще устраивались, потому что бригаду спецназа ввели в Моздок только в первых числах декабря...

* * *

...Капитан позвал, я сразу и пришел...

– Товарищ капитан, младший сержант Онуфриенко по вашему приказанию...

Петров меня жестом остановил. Сам какие-то бумаги разбирал. У него в канцелярии всегда стол бумагами завален был, и капитан никогда не мог сразу найти нужную.

– Так, значит... Онуфриенко Стас Палыч... – похоже, мое имя-отчество что-то капитану напоминало, и он под хорошее настроение его произносил тоже. – Бери сейчас своего ефрейтора Волка, и идите на склад батареи получать... Ночью вылетаем на операцию... С собой, зна-

чит, берете... Берете... – Петров наконец-то нашел нужную бумагу и стал мне читать. – «Р-394», «Северок» и «Ангару»³... Это у себя на узле... Комплект питания для интенсивной работы в течение пяти суток... Это на складе... Стоп... Шести суток... Комплект питания на шесть суток... Чтобы про запас было... Понял?

– Так точно, товарищ капитан.

– На продовольственном складе... Сухой паек на пять суток...

– Может, на шесть? – с легким ехидством переспросил я.

– На пять... Приказ – на пять суток... Больше не дадут... Получаете на двоих... Остальные сами получают... Понял?

– Так точно, товарищ капитан. Разрешите идти?

– Кати, да поживее... Как получите, валите отсыпаться...

Предстояло найти ефрейтора Волка. Только где его искать – городок большой. Он передо мной не отчитывается, куда двинул... Волк из «дедов» – последние полгода служит, вернее, уже меньше, чем полгода. Весной на дембель... Он не нашу учебку оканчивал, а только какие-то курсы перед армией, потому и ефрейтора только здесь уже, в части, получил. Здесь и работать по-настоящему учился. Но в телеграфном режиме клепал – такого радиста еще поискать надо... И меня до тошноты натаскивал... Ночью просыпался от писка в ушах...

Волка я нашел на спортивной площадке. Он «молодых» сержантов-связистов, что со мной прибыли, на турнике заставлял «выход силой» делать. При всех я приказ передавать не стал, в сторону отвел. Объяснил, что от нас Петров требует.

Ефрейтор плечами пожал, потом, подумав, улыбнулся почти обрадованно.

– А чего... Наконец-то на дело пошлют... – бодро шлепнул меня ладошкой по груди. – Готовь место для медальки... За такие рейды всегда награждают...

Официально мы с Волком числились в роте связи, но были закреплены за ротой капитана Петрова, он называл нас своей персональной стаей, к которой причислял еще и прапорщика Волкова, старшину роты. Волка и Волкова – за фамилии, меня – за волчий взгляд. И жили мы в казарме линейной роты, как и все другие радисты, кто за ротами был закреплен, а не за штабом. Но работали все на штабном радиоузле, и там дежурили, и в казарме тоже дневалить приходилось. В итоге никогда не скучали...

– А то война скоро кончится, а мы из бригады не выбрались...

Я оптимизма Волка не разделял, потому что за день до этого, когда на штабном узле дежурил, нечаянно подслушал разговор двух подполковников в курилке. Стоял недалеко и подслушал, хотя они и разговаривали не стесняясь. И я уже знал, что разведывательные операции обычно положено проводить под прикрытием войск и в тех местах, где войска активно действуют. Сейчас по всей Чечне войска действуют по трем направлениям. Туда пока не посылали... Но какой-то новый московский генерал, за наградами приехавший, чтобы показать свою профессиональную активность, требует выброса разведотряда в район Алхазорова, где наших войск нет, где только боевики хозяйничают и где вообще нет смысла разведку проводить, поскольку туда наши части еще не скоро доберутся. А когда доберутся, обстановка там измениться может кардинально... Совершенно ненужный рейд в совершенно неподходящее время, поскольку погода стоит почти постоянно нелетная, забросишь отряд, а назад и забрать не сможешь...

И еще подполковники откровенно считали бригаду необученной... Молодежи много, как прибыли, устройством на месте занимались, а не боевой подготовкой... Какой уж тут разведывательный рейд...

³ «Р-394» – стандартная переносная радиостанция для работы в телеграфном режиме. «Северок-М» и «Ангара» – радиостанции для работы в телефонно-телеграфном режиме.

Волку я, конечно, этого не сказал. Ему очень хотелось, как каждому дембелю, домой с медалью, а то и с орденом отправиться. Только одни дембеля, кажется, во всей бригаде и радовались, что нас в Чечню загнали... Тогда все говорили, что это ненадолго и с чеченцами расправятся за пару недель, от силы за месяц... Сам министр обороны такое обещал... И дембеля в бой рвались, боялись, что война кончится, а они медаль получить не успеют... Обидно будет говорить, что на войне был, а вернулся без награды...

Да и сам я, признаться, беспокоился не сильно. За полгода в учебке и пару месяцев в части уже привык к тому, что решает за меня кто-то другой... Я есть, но меня как будто и нет вовсе... Не человек я, а солдат, и солдату решать не положено... Ему не положено даже решать, что ему на обед есть, а что на ужин... И это кто-то за него решает... А уж об участии в боевых операциях – тут дело исключительно командирское...

Но и это не расстраивало. Привычка хуже неволи. Привык, как привыкли мои родители и родители моих сверстников, что государство все и всегда за них решало, в том числе что и кому есть... Кроме того, за два последних месяца слишком много нам уже рассказывали о спецназе ГРУ и его истории... Так много, что мы, не успев по-настоящему спецназовцами стать, уже почувствовали себя хрен знает кем...

Да-да, именно такими... И я тоже...

* * *

...На складе, когда заряд батарей прибором проверяли, от кладовщика-прапорщика узнали, что десантироваться будем с вертолетов. Это немного обрадовало, потому что прыгать с парашютом и с рациями – не слишком приятная процедура. От своего собственного веса ноги после приземления болят, а рация тоже не легкая... А если прыгать в горах, то вероятность ноги переломать увеличивается в несколько раз... И, не приведи господи, заставят в темноте десантироваться... Тогда уж точно после приземления только половина отряда на ногах бы осталась и вторую половину на себе тащила...

Но ефрейтор Волк чем дальше, тем больше сиял. Должно быть, мысли в голове вертелись, и представлял он уже, как в родной деревне его, орденосца, встречают с цветами... Я поглядывал на него как на более опытного спецназовца и тоже приобретал уверенность в себе. Мы с ним почти земляки, из соседних областей...

* * *

Я стал собираться, но выйти из дома не успел. Мне на мобилу позвонил Волк:

– Ты дома?

– Дома пока...

– Машины пришли...

– Уже на месте?

– Нет, в Москву въехали. На месте будут часа через полтора...

– Добро... Я скоро поеду...

2. ВОЛК

Трубку городского телефона я положил так, что она чуть не раскололась сама и аппарат едва не сплющила. В минуты веселящего раздражения со мной это случается. За прошлый год три аппарата разбил...

И опять у меня, значит, с женой проблемы... Хорошо Онуфрию, он холостой... То есть совсем холостой, всегда, по политическим, можно сказать, мотивам. Потому что отношение к противоположному полу – это большущая, надо сказать, политика... И всегда, наверное, холостым будет... Он по характеру такой... Бабы за ним косяком, а он ни с одной серьезно и тем счастлив... А я со своей уже полгода не живу, хотя официально и не развелся, а она все катит на меня, скалится... Деньги, дура, требует, а не то сдать обещает... При этом повизгивает и прихрюкивает – свинья-копилка... И это при том, что я ей алименты на одну дочку за десятерых, считай, детей плачу... Чесс-слово... А стерве все мало, ей все давай и давай... Вопит, что я все пропью, что есть, и сдохну, а она ни с чем останется... Так пусть, говорит, лучше дочке на «черный день» отложено будет... Непонятно только, зачем она «черный день» дочке накаркивает... Ну, сказала бы, на будущее... И то как-то лучше... Но ей именно «черный день» нравится...

Впрочем, пугаюсь я не сильно. Сдать меня сложно, и это даже она своей неумной башкой с кудряхами вместо мозговых извилин понимать должна. Ни одного факта, ни одного доказательства... Я много ей не болтал, словно чувствовал... Деньги у меня есть? А почему, собственно, у меня их не может быть? И не такие уж большие, кстати, деньги... Это для нее они большие, потому что работать не хочет, а тратить привычка осталась. Да будь у нее и вообще огромные деньги, она, по характеру своему, все равно тащила бы и тащила откуда только можно урвать новые... Свинья-копилка да и только... Я так и зову ее, и даже на день рождения купил ей глиняную свинью-копилку... И не боюсь разозлить... Сдать она, видите ли, хочет... Скажет, что оружие у меня видела? Да что она понимает в оружии? Лицензия на газовое оружие у меня в кармане. И вообще брешет, как собака нечесаная, потому что жить с ней не хочу... Кончилась наша любовь, давно кончилась, а ей пора самой на работу устраиваться... Одним этим от любого ее обвинения отмазаться могу...

Но на работу из-за ее угроз пришлось официально устроиться не ей, а мне. В солидную охранную фирму, в которой у меня и у Онуфрия связи есть с армии... Добрые связи... Там не сдадут и, если надо будет, характеристику по всей форме накачают... Дежурит за меня кто-то другой, кто-то третий деньги получает... А ко мне претензий быть не может, потому что у меня удостоверение охранника в кармане...

Но жить со «свиньей-копилкой» невозможно... Дура она у меня конченная... Дура и стерва... Она, кстати, сама себя стервой зовет. Говорит, стервы сейчас в моде... На телеведущих смотрит, они из десяти восемь ведут себя как конченные стервы, и подражает им. Я слышал такое тоже, насчет моды... И другие бабы-дуры, куда ни посмотри, подражают... Похабство сплошное... Но это хоть отчасти утешало, когда мы еще с ней жили – не мне одному дура досталась. Дур, следовательно, много... Тех, что стервами себя зовут... Это от безграмотности, как Онуфрий говорит... Они просто не знают, что такое стерва... Вернее, правильно будет не «стерва», а «стерво»... Из старорусского языка слово... Означает падаль, падшее, гниющее животное, вонючее, мерзкое, червями фаршированное... И эти такие же, чтоб им пасть и сгнить, что с телеэкрана, что из жизни... Денег ей, вишь ли, хочется... А кому их, скажите, не хочется?..

Она думает, наверное, что я эти деньги печатаю... Это чечены и поляки фальшивые деньги печатают – пусть к ним и обращается, а я их своим горбом, как говорится, зарабатываю. Под пулей постоянно, если честно сказать, хожу... И она думает, что я, как курица на дороге, напуган и вечно терпеть ее буду... А мне уже – вот так! – надоело терпеть, чесс-слово...

Не понимает, коза драная, чем это кончиться может... Если только я Онуфрию скажу, что эта стерва так на нас катит, она дня не проживет, до туалета добежать не успеет, чтобы в унитазе утопиться... Да я и сам бы мог с ней разобраться, а что... Одно меня останавливает – куда потом дочку девать... При моей полукочевой жизни и ей одна морока, и ей не в радость такой папа, и мне – тормоза на полной скорости... К родителям разве что, в деревню... Так те сами еле-еле концы с концами сводят, да и то с моей помощью... Финансовой... Сейчас от старой деревни ничего не осталось, ни людей, ни работы – постаралась власть деревню вконец спойть и сгнобить...

Я самых-то серьезных перемен не застал. В армию ушел, колхоз еще как-то жил, и работа у людей была. Потом, как мне рассказывали, председатель с главбушкой взяли на колхоз многомиллионный кредит, и больше в деревне их не видели... И денег тоже... В те времена, в середине девяностых, это было почти нормой... И никого, говорят, не искали, а если и находили, то только случайно... А потом в колхозе вообще все развалилось... И фермы все за долги отдали, а потом их потихоньку сами же на кирпичи и растащили... А чего, обычное дело, чесс-слово... Как народ теперь выживает, кто там остался, ума не приложу... Если где работу находят, то втроем получают столько, сколько я один в день пропиваю... Если без настроения... А под настроение – на день мне не хватит...

Так что к родителям дочь нельзя. Да и в школу ей скоро. А в деревне своей школы теперь нет, в соседнюю за шестнадцать километров на автобусе возят. Что это за учеба... Пусть в Москве уж лучше, хоть и со свиньей-копилкой... Одна эта мысль меня и сдерживает... Чесс-слово... Хотя иногда хочется пистолет к ее узкому лбу приставить и заставить жирные щеки подражать... Чтоб припугнуть, так и сделаю, наверно... Не люблю беспредельщиков, а «свинья-копилка» из них... Меры, шантажистка, не знает... И это надо пресекать... Давно уже пора пресекать, чтобы дальше хуже не стало... И в более серьезных случаях пресекают... И мне самому доводилось это делать...

* * *

...Я хорошо помню, как мы с Онуфрием в случае с чеченами беспредел пресекли... Тогда, в плену... И все нам с рук сошло... Работа была по высшему классу! Я, кстати, надумал... Онуфрий по молодости лет в бега думал удариться и меня уговаривал... А это тогда бесполезно было... Собаками бы затравили... Догнали бы и затравили... От людей убежишь, а от собаки – нет...

Обычно их четверо нас двоих выводило... На расстрел... Знали уже, что мы радисты-напарники... Потому и выводили одновременно... И могилы мы одновременно копали... Вроде бы как себе... Но мы быстро поняли, что не себе...

С тех пор как нас перевезли из горного села куда-то в сторону, держали нас уже не в сыром зиндане, а в бывшем военном городке, в каких-то сараях. По несколько человек в каждом... Всех вместе держать считали опасным. Офицеров вообще в сараях не было. Даже не знали тогда, куда их угнали. Потом уже сказали, что на гарнизонной гауптвахте после бомбардировки только одна комната сохранилась. Там офицеров и закрыли... А нас в одном сарае с Онуфрием... Часовых у сараев не держали, только по периметру городка, но далеко друг от друга – вообще непонятно, для чего часовые там... Война тогда только началась, наши завязли где-то в самом начале, до настоящих гор не добравшись, а мы в горах были... В зимних горах... Кто знает, что это такое, поймет... И поймет, что бежать оттуда бесполезно... Онуфрий, кстати, думал о побеге постоянно. Бзик, я понимаю, такой... У него дух неукротимый, гнутья не умеет... Не умеет даже прогибаться... И потому хотел только бежать... Я отговорил... Тем более мы уже знали, что начались переговоры об обмене. И другое придумал, как беспредел закон-

чить... А то ведь беспредел-то полный... Мало того что голодные... Но каждый день копать могилы... Зимой... Это уже слишком... Надоело...

Тогда я и предложил свой план... Обсудили, покумекали и согласились...

Часа за два до Нового года они опять пришли, и дождя не испугались. Те же самые – четверо... Пьяные... Часов у нас ни у кого, понятно, уже не было... А время мы определили потом, когда они начали все из автоматов облака расстреливать... Мы и поняли – Новый год наступил... Через пару часов это было... Вместо ориентира...

Пришли, значит, эти... Долго с замком на нашем сарае возились. Ключом в скважину попасть не могли... «Накушались» уже... Но все же вошли, на нас фонарем посветили – по глазам старались, чтоб ослепить... Как обычно...

– Запомните, – почти чисто по-русски говорил старший, самый спокойный, – начинается тысяча девятьсот девяносто пятый год... Это последний год жизни России... Все мусульмане против вас поднимутся... И Россия развалится... Маленькой станет... Жалкой, как вы сейчас... Мы за это сейчас пьем...

– Но вы и до этого не доживете... – сказал другой. – Мы салют хотели дать, потом подумали – что патроны зря тратить... Вместо салюта вас расстреляем... Пошли... Быстро-быстро... Пошли, козелы...

А нам только этого и надо было. Мы даже не рассчитывали на такую удачу, что они «перекушают»... Мы трезвых отрезвить готовились... Да еще повезло, что боевики приперлись ночью, в темноте, когда ни луны не видно, ни звездочки... А фонари на улице они себе под ноги уткнули... Вообще, в такую погоду только пьяному и ходить – потому что не чувствуешь, когда спотыкаешься, и не обижаешься на себя, когда падаешь...

И пошли мы на очередной собственный расстрел, можно сказать, с удовольствием и с большой готовностью...

Наши саперные лопатки, давно уже ставшие «нарицательным оружием», как говорил наш ротный старшина прапорщик Волков, всегда были остро отточены. Но и чечены, при всей их национальной нелюбви к любой работе, всегда любили оружие и любили точить его. Может быть, лопата и не воспринималась ими как оружие, тем не менее лопаты у них были отточены хорошо, и это нам на протяжении месяца облегчало работу. Облегчило и выполнение моей последней задумки...

Могилы мы, как и все остальные пленники, копали за разрушенной стеной военного городка. Там иногда стоял часовой, чаще и часового не было. Но в такой темноте в пяти шагах ничего не различишь... И часовой, если он выставлен, в новогоднюю ночь просто не может быть трезвым. От провала в стене шагов двадцать... Там пригорок... Весь изрыт... Нас не двое в сараях, нас целый отдельный отряд... И каждому не по одному разу пришлось брать в руки лопату.

Всегда и все это делали с неудовольствием, а мы в этот раз – чуть не с радостью...

Чечены только в первые несколько «расстрелов» осторожность соблюдали. А потом нагнали... Стояли почти вплотную, не думая, что лопата – оружие опасное. Нас не зря учили лопатками фехтовать. На худой конец, мы могли воспользоваться и большими лопатами. И воспользовались... Часового в провале стены в этот раз не было – не захотел под дождем мокнуть. И это уже предвещало удачу. Еще и место не выбрали, когда я дал команду и резко шагнул в сторону, чтобы сделать полный круг-разворот. И чуть-чуть притормозил движение только при повороте корпуса в обратную сторону, чтобы удар нанести точнее. Онуфрий в другую сторону шагнул и то же самое выполнил. Два удара, и нет двух голов на плечах – хорошие лопаты попались... И сразу же, без остановки на раздумья, два одновременных выпада – удары наносились прямые в горло. Синхронно, как в цирке... И на каменистой почве не поскользнулись... Большого и не потребовалось. Потребовалось другое. Тела и головы растащить по разным могилам и землей закопать, но не до конца, потому что все могилы были разной глубины, в зависимости

от терпения чечен, организаторов очередного «расстрела». Головы, кажется, перепутали, но это нас не смутило. Завершили работу, осмотрелись – придраться не к чему. И лопаты под дождем вымыли, а потом назад под навес отнесли. Единственная сложность возникла, когда мы в сарай вернулись. Минут двадцать с замком провозились – так его старались поставить, чтобы он снаружи в отверстие скобы вошел и защелкнулся, когда мы дверь прихлопнем. Но сумели и этого добиться...

Утром я и себе, и Онуфрию удивился. Думал, нервничать будем в ожидании чеченских разборок... А мы спали, как младенцы невинные... Сразу после новогодней стрельбы друг друга поздравили и уснули... С чувством выполненного долга... Утром нас разбудили, когда лепешки принесли. Но все спокойно было... Нашу «расстрельную команду», должно быть, еще не хватились. Чечены отсыпались после новогодней пьяной ночи...

Хватились пропавших только на следующий день, второго числа... Допрашивали всех. Но никто ничего не знал, а мы с Онуфрием знали вообще меньше всех. Откуда нам знать, кто куда пропал, если мы все под замком сидели... Если бы пропавших кто-то из нас убил, естественно, после этого ударился бы в бега... А если в бега никто не ударился, значит, наши не убивали... Логично, и никакого преследования организовано не было. Что там у чечен дальше было, мы не знали, но с «расстрелами» стало спокойнее... И у нас мозоли на руках зарастать стали...

– Даже на войне, Онуфрий, надо у «дедов» учиться... – прочитал я тогда нотацию. – А ты все – бежать да бежать...

Он ничего не ответил, только зыркнул волчьими глазами.

Мне б глаза такие...

* * *

...Беспредел, будь то беспредел чеченский или беспредел семейный, следует пресекать в корне и жестко. Иначе потом сам жалеть и плакать будешь. И мне надо было подумать, как с женой поступить... Всерьез подумать, зная несговорчивый характер «свиньи-копилки»... Насчет пистолета ко лбу – это я только в мечтах... И Онуфрий возиться с ней не пожелает... Он не киллер какой-то... Будь вот у меня глаза, как у Онуфрия, я бы одним взглядом ее уничтожил... Минуту посмотрел бы пристально, и она бы себе торжественно язык откусила, чтобы никогда больше о деньгах не заикаться и удовлетворяться тем немалым, что я сам плачу. Не зря она моего боевого друга терпеть не может, как она говорит. Это она так только говорит, а в действительности, по-честному, она его жутко боится. Именно из-за взгляда...

Я сам, помню, взгляд этот встретил сразу, когда «молодняк» пригнали. Шесть человек радистов... Списки пришли раньше, и я знал по фамилии, кого мне в напарники сунут. Капитан Петров меня отправил встречать. Их всех тогда сначала в старую казарму загнали, где инструктаж давали, как себя на территории вести и как с «дедами» общаться, чтобы конфликтов не возникло, потому что «деды» в спецназе ГРУ уже прошли такую подготовку, что... И в том же духе...

Я, помню, в отпуск домой ездил, в поезде и на вокзале, когда пересадки ждал, с другими солдатами разговаривал. В армии вообще-то беспредел с «молодняком» творят. У нас такого не было. Командир бригады в этом отношении строг и лют, хотя досмотреть за всем полковнику тоже невозможно. Конечно, все понимали – баловать «молодых» не следует, чтобы служба дискотекой не показалась, но и серьезных конфликтов не возникало. Так, по мелочи разве, на почве уважения... А в роте связи так вообще – спокойно, как на кладбище. Но у нас закон был. Каждого «молодого» обязательно за «дедом» закрепляли. И у штабных радистов так же, и у ротных. Мой напарник дембельнулся, прислали на смену младшего сержанта из учебки. Значит, я его воспитывать и обучать должен. Я и встречать пошел... Но парня, видимо, где-то зара-

нее настропалили... Он меня взглядом, как штыком, в глаз ударил. Только я не понял, в правый или в левый... Но блок защиты поставить захотелось... Тяжелый взгляд, волчий, исподлобья...

– Не смотри волком... – сказал я. – Я сам Волк... Ефрейтор Волк... Фамилия такая...

– А у меня взгляд такой... – отозвался Онуфрий, впрочем, беззлобно. – Мамка-природа наградила...

Про этот взгляд через день уже вся бригада знала, и нас так и звали волчьей парой. А капитан Петров вообще считал, что собственную стаю завел...

Что ни говори, а такой взгляд сгодиться в жизни может. Я иногда Онуфрию даже завидую... С таким взглядом любую жену воспитать и перевоспитать три раза можно...

* * *

...Но меня, тогда еще ефрейтора Волка, младшему сержанту Онуфриенко перевоспитать было не дано. Это я его перевоспитывал. И на рукопашку с ним ходил, и за тренажером часы просиживал. В телефонном режиме он нормально работал. Волну быстро находил и настраивал. А в телеграфном слабоват был. Торопился... Скорость хотел хорошую показать, за мной гнался и ошибок много делал. И я его за ключом подолгу держал... Но парень сразу оказался упертым... Глазами стрелял крупнокалиберно, но дело делал...

Помалу учился...

* * *

Подполковник милиции Петров позвонил мне как раз тогда, когда я, стоя с пистолетом в руках, представлял, как приставлю ствол ко лбу «свинье-копилке»:

– Толян, погладь форменные брюки, чтобы как в прошлый раз не получилось... – потребовал подполковник.

– Это было не в прошлый раз, а полгода назад... Что, машины пришли?

Тот раз, который так памятен Сергею Михайловичу Петрову, как я правильно заметил, был совсем не прошлым, но тогда во время работы эта дура, которая так понравилась Онуфрию, что он даже готов был скостить ей часть суммы, с ехидством сказала мне, что брюки при выходе на работу следует гладить. Я и глажу обычно, потому что работу свою уважаю, а ментовская форма у меня не в домашнем шкафу висела, а в гараже валялась в инструментальном ящике... Правда, завернутая в целлофановый пакет, во избежание масляных пятен, которые каждый гараж любит на одежду ляпать. Тогда еще валялась, чтобы «свинья-копилка» эту форму не видела. Я как раз накануне работы окончательно ушел от нее и утюг еще не успел себе приобрести. И брюки, и китель я обычно отглаживал у Онуфрия дома, там подсмотреть некому. Но, раз от жены ушел, посчитал, что от услуг коллеги могу и отказаться. А поздно вспомнив про отсутствие утюга, вовремя не уложился, и пришлось ехать в том виде, в каком меня сообщение застало. Подполковнику Петрову это сильно не понравилось.

– Машины уже в Москву въехали. Правда, дороги сейчас перегружены... Часа полтора ползти будут... Звони Онуфрию. Пусть выезжает...

Я позвонил.

Онуфрий, как обычно, оказался готовым к работе... Он вообще на подъем легкий, хотя и долго причесывается...

Значит, и мне надо за утюг браться, серьезно настраиваться, а разборки со «свиньей-копилкой» отложить до лучших времен...

Когда взгляд станет более увесистым...

ГЛАВА ВТОРАЯ

1. ОНУФРИЙ

Такая вот беда... До умопомрачения люблю оружие... Даже когда спать ложусь, если один дома нахожусь, рядом с кроватью на тумбочку кладу пистолет... Обязательно заряженный, с патроном, досланным в патронник, и с предохранителем в боевом положении... Знаю, что опасности для меня никакой не предвидится, тем не менее мне нравится, когда пистолет под рукой... Нравится чувствовать, что я всегда готов защитить себя выстрелом... А беда не в том, что я оружие люблю. Беда в том, что на работу, которая, по большому счету, кажется невыносимой без пистолета, я еду без оружия... Парадокс профессии... Вернее, не профессии, а разделения ролей в том спектакле, который мы традиционно играем...

Собравшись, посмотрел на себя в зеркало, проверяя внешний вид. Кажется, все безукоризненно, и можно выходить на «дело». Свое недавнее приобретение, brutальный и солидный и при этом достаточно маневренный в сравнении со старшими коллегам «Хаммер 3», я держал недалеко на платной стоянке. Для езды по Москве машина не самая удобная, но вполне соответствующая имиджу, который следует оберегать и лелеять. Когда мне бывает необходимо много поехать по городу и при этом нигде не «отмечаться», я предпочитаю вторую машину – вернее, первую по времени приобретения – «Тойоту Королла». Но парадные поездки должны соответствовать иным понятиям, и потому я приобрел себе «Хаммер».

До недавно построенного и привлекательного внешне шестиэтажного здания офиса торгового дома «Евразия» я добрался достаточно быстро, поскольку время утренних дорожных пробок прошло, а время дневных еще где-то спотыкалось на подходе. Расстраивало только то, что слякотная погода делает мой внедорожник настоящим внедорожником, проехавшим основательное количество километров вне дороги и собравшим со всех мест, где дороги нет, целый самосвал грязи. Но бороться с грязью московских улиц вовсе не входит в мою задачу на ближайшую пятилетку. И потому приходится мириться с существующим положением вещей.

Я смело заехал под столб с надписью «Службная стоянка», словно был прочно приписан сюда, хотя на столбиках поменьше крепились таблички с надписями, указывающими, где и какой машине следует остановиться. Охранник «Евразии», наблюдая из окна за маневрами тяжелого «Хаммера», занявшего вместо одного, пожалуй, полтора места для парковки, на мое появление не среагировал. И машина такая, что реагировать не полагается из соображений собственной безопасности, и, кроме того, местные охранники видят меня здесь часто и знают, к кому я приезжаю. По этой же причине никто не спросил меня на входе, к кому и зачем я пожаловал. И я сразу поднялся в плавном и медленном лифте на третий этаж, не желая утруждать себя подсчетом ступенек лестницы. Проходя по коридору, невольно посмотрел вправо – большие окна выходили во двор торгового дома, где находились склады. Два контейнеровоза «Вольво», видимо, только-только приехали, и разгрузка еще не началась. Должно быть, я поторопился. Или они слишком задержались. Если водители не знают Москву, то обычно ползают по улицам с предельной осторожностью. Около машин столпились люди. Что-то обсуждают... Я знаю, что они обсуждают... Но обсуждать им осталось недолго, потому что я на подъезде к офису «Евразии» уже позвонил подполковнику Петрову и сказал, чтобы менты поторопились... Темп операции всегда следует выдерживать, потому что сбои ритма чреваты разрывом ситуативной напряженности... Вот такую сложную фразу я где-то вычитал и нашел где применить... Люблю, когда меня не сразу понимают... Это придает облику ореол некоей умности и суперсложности...

В приемной я приветливо кивнул секретарше – внешне молоденькой девчужке, максимум десятикласснице, но, как я уже знал, в действительности уже двадцатичетырехлетней матери двоих детей:

– Анжелина Михайловна у себя?

Я и без ответа секретарши знал, что она у себя. В этот день недели в это время она всегда в кабинете. Через два часа у нее будет селекторное совещание с директорами магазинов торгового дома. А магазинов у «Евразии» по всей стране разбросано более сотни. Такое еженедельное совещание не срывается никогда. И вообще, Анжелина любит составлять графики и расписания и всегда тщательно следит за их выполнением – образцовая бизнес-леди...

То есть, я оговорился, через два часа должно быть селекторное совещание, но сегодня его не будет, во-первых, потому что я приехал, во-вторых, потому что приедут подполковник Петров с Волком...

– Я доложу, Стас Палыч... – сказала секретарша писклявым детским голосом и, как обычно, сразу взялась за трубку внутреннего телефона.

Я никогда не проявляю наглости и аккуратно жду, когда секретарше дадут согласие. За это все без исключения секретарши меня уважают. Согласие было получено сразу и, похоже, безоговорочное, как я понял по глазам и по жесту девчужки. И я вошел в кабинет через звукоизоляционный тамбур с двойными дверями.

Анжелина уже выбралась из-за своего большущего полукруглого письменного стола, чтобы встретить меня. Она всегда по-детски радуется моему приходу.

– Привет! Я уж думала, куда ты запропастился... Три дня ни слуху ни духу...

– А позвонить тебе гордость не позволяет? – парировал я, принимая ее объятия и поцелуй как должное и отвечая на них только снисходительным позволением. Это моя обычная сдержанная манера поведения с женщинами. Я никогда не запрещаю им себя любить – мужчина должен снисходительно относиться к женским слабостям...

– А ты сам позвонить не мог?

– Был занят с утра до ночи... Свои дела накопились, и твои делал...

Она удивленно подняла брови, не сразу сообразив, какие такие ее дела я делал. А я в самом деле делал ее дела, только такие, о которых ей знать не полагается ни при каких обстоятельствах. Более того, если бы она узнала, то это могло бы обернуться большими неприятностями для нее, поскольку я не люблю, когда обо мне знают лишнее. Сам я стараюсь знать лишнее о других только в сфере своих интересов, но не более, потому что от пули с чердака соседнего дома никто не застрахован...

– День рождения... – напомнил я. – Кто-то, помнится, просил меня добыть сценарий праздника на полсотни приглашенных, которые скучать не любят...

– Ах да... – спохватилась Анжелина. – Добыл?

– Обязательно. Я всегда добываю то, что обещаю... Я вообще добытчик известный... Стоял над душой знакомого журналюги с топором в руках, чтобы написал побыстрее... Отвечал за него на телефонные звонки и, кажется, всем звонившим сообщал, что абонент на три дня умер... И вот итог... – я достал из кармана вдвое свернутые листы. – Прочитай, если что-то не так, мы изменим...

Стоять над чьей-то душой с топором в руках я, честно говоря, не любитель. И потому я просто скачал двадцатистраничный сценарий праздника из Интернета. Что может быть проще... А потом кое-что изменил, кое-что добавил от себя, привязал к обстановке... И потратил на это дело целых два часа своего драгоценного времени...

Анжелина приняла сценарий в руки, но читать сразу не начала. Голова, похоже, чем-то другим была занята. И я догадывался чем...

– Ты читай, читай, а то мой журналюга в командировку собирается... Некому будет править... А из меня правильщик, поверь уж, как из кочегара повар...

– Сейчас... У нас машины с товаром пришли... На одной машине пломба сорвана... Проверят по накладной соответствие, мне доложат, потом вместе прочитаем и обсудим. У нас, кстати, свой рекламный редактор есть, можно его подключить...

Я поморщился. Не люблю присутствия посторонних в рабочей обстановке. А обстановка уже стала рабочей, как я смог понять по шуму, раздававшемуся в коридоре и в приемной. Слишком громкий шум для такого тихого заведения, где все заранее бывает просчитано...

Звонок внутреннего телефона показал, что и я просчитал ситуацию правильно. Анжелина шагнула к столу, чтобы снять трубку, но не успела – дверь широко распахнулась, и в кабинет вошли четверо в черных костюмах, в бронежилетах, обшитых черной тканью, в масках «ночь» и с автоматами «АКСУ»⁴. На спине у вошедших красовалась надпись «Милиция», но сейчас этой надписи видно не было, и знал о ней только я. А Анжелина таких посетителей, как показало ее искажившееся красивое лицо, сразу ставшее некрасивым, просто испугалась, неизвестно что подумав. Но испуг длился недолго, потому что за людьми в масках в кабинет вошло еще несколько человек, из них двое ожидаемых мной – ментовский подполковник Петров и Толик Волк в форме ментовского капитана. Лица серьезные, напряженные...

А впереди двух ментов два человека несли по вскрытой коробке, а третий – какие-то бумаги... И уже за Волком, держа в руках вязаные шапки и вытирая ими вспотевшие ли, мокрые ли от снега с дождем лица, два водителя контейнеровозов «Вольво». У одного рассеченная бровь распухла и на глаз стек основательный синяк. За водителями, на охрану похожие, еще два мента в масках и с автоматами. Причем автоматы, как я сразу заметил, с опущенными предохранителями – рискованные ребята...

– Анжелина Михайловна Качурина? – строго и с угрозой в голосе сказал подполковник Петров, глядя на бедняжку так, словно раздавить ее готов. Хорошо, что у него взгляд до моего недотягивает. Иначе у генерального директора и одновременно владельца контрольного пакета акций «Евразии» наверняка случился бы сердечный приступ. – Я так полагаю...

– Я это... – растерянно сказала Анжелина. – А что, собственно говоря, случилось?

Она пыталась взять себя в руки, хотя это давалось ей с трудом.

– Посылки принимайте... – подполковник кивнул двум работягам, и те водрузили на полированную поверхность письменного стола картонные коробки. Вес у коробок – килограммов по сорок, это я могу твердо на основании собственного опыта гарантировать.

– Какие посылки? – Анжелина, бедная, не поняла, о чем разговор...

– А вот... – Толик Волк положил на стол две бумажки, сорванные, судя по внешнему виду, с коробок, куда они были прикреплены скотчем. – Читайте, если умеете... «Лично генеральному директору торгового дома „Евразия“ Качуриной А.М.» Вам, следовательно...

– Ничего не понимаю... – Анжелина плечами нервно передернула, чувствуя какой-то подвох, но к коробкам подошла. Приподняла створку...

– Что это? – спросила растерянно и побледнела.

Она, конечно, такой посылки не ждала и никогда не думала не гадала, что может в подобной ситуации оказаться. Но догадалась сразу. Любой догадается, кто хотя бы иногда телевизор смотрит. Хоть новости, хоть художественные фильмы... Характерные килограммовые упаковки чуть буроватого порошка...

– Я могу вам сказать предположительно, что это героин... – ответил подполковник Петров. – Более точно будет известно после экспертизы... Но вы и без меня это знаете прекрасно, я так полагаю...

Анжелина, естественно, тут же взбрыкнула задом, как норовистая кобыла. Причем сделала это натурально, отчего с высоких каблучков едва не свалилась.

⁴ «АКСУ» – укороченная модель автомата системы Калашникова, в просторечье называется «тупорылым». Имеет обрезанный ствол, завершающийся раструбом.

– Что за глупости!.. Какое я имею к этому отношение?.. Это какая-то провокация...

Она осмотрела всех присутствующих, в том числе и меня. У меня вид, хорошо отрепетированный, был тоже слегка растерянный, но нахмуренный. И помощи генеральному директору «Евразии» никто оказать не спешил.

– То есть вы говорите, что вам никто не должен был переслать такую посылочку?.. – злобно улыбаясь, спросил Волк.

– Никто не должен был... Я же говорю, это провокация... Кто-то желает доставить нашей фирме мелкие неприятности, вот и все... Любителей делать гадости в бизнесе слишком много, к сожалению. И ваше дело – разобраться, откуда здесь появился героин... – Анжелина справедливо решила, что лучшая защита – нападение. Характера ей не занимать, иначе она просто не могла бы работать генеральным директором. Но она просчиталась в другом – я полтора месяца изучал ее характер, умышленно создавая разные условия для проявления эмоций, и рисовал в голове то, что называется модным у спецслужб термином *психопортрет*. И возможность ее реакции мы просчитывали в разных вариантах. В том числе и в этом.

– Хорошенькая провокация... – спокойно согласился подполковник Петров. – Мне бы вот кто такую же устроил... По рыночным ценам эти посылочки вытягивают на двенадцать с лишним миллионов долларов... Кто бросит такие деньги, чтобы доставить вам мелкие неприятности, подскажите?

Вопрос, естественно, без ответа остался. Анжелина не знала, куда деть дрожащие руки, и очень нервничала. И я прекрасно понимал ее. Может быть, гораздо лучше, чем кто-то другой.

– А сейчас мы проведем обыск в вашем кабинете... – сказал Петров сурово, как точку поставил. – Понятых привели? Давайте их сюда...

– Минуточку, – сказал я, поддерживая Анжелину за локоть. – Чтобы проводить обыск, нужно хотя бы представить ордер на право его проведения...

– А вы кто такой? – Петров зло сузил глаза.

– Я посторонний человек... – сказал я уклончиво и слегка сжал Анжелине локоть, чтобы она не вмешивалась. – Собираюсь устраиваться в «Евразию» на должность юриста и как раз проходил собеседование с генеральным директором...

– Опять юристы... – проворчал подполковник. – Поскольку вы в должность еще не вступили, я мог бы просто сказать вам, что в случае оперативной необходимости составляется акт и обыск проводится по акту без ордера. Но у нас и ордер есть... Капитан, покажи ему...

Волк шагнул ко мне, раскрывая замок-«молнию» на кожаной папочке. Открыл, вытащил лист бумаги с печатью, показал, из папочки далеко не вынимая. Конечно, это был никакой не ордер, а посторонний документ. Какое-то гарантийное письмо магазина бытовой техники об оказании услуг по возможному ремонту и что-то такое. Но я, не читая, пробежал глазами до половины и сердито закрыл папочку в руках лжекапитана. Анжелина смотрела на меня глазами, полными надежды. Но я сумрачно кивнул, дескать, ордер есть и наши возражения не принимаются.

Ввели понятых. Простых прохожих на улице остановили. Даже не сотрудников фирмы...

Подполковник кивнул ментам в масках «ночь», и в кабинете начался маленький и неаккуратный погром, обычный для ментовских обысков. Петров сел собственноручно писать протокол обыска. Это, конечно, не продумано нами и может в чьих-то глазах вызвать непонимание. А любое непонимание способно стать зацепкой. В следующий раз протокол следует писать Волку и показать потом подполковнику. Но сейчас уже изменить ничего было нельзя. Волк подключился к ментам в масках. На пол вываливалось содержимое ящиков письменного стола, падали с полок книги-справочники, которых откуда-то здесь оказалось невероятно много.

– Товарищ подполковник... – позвал один из ментов в масках и показал. В руке у мента было несколько маленьких пакетиков точно с таким же порошком, как и в коробках. Только

уже не запаянных, а просто завязанных. Я сам их завязывал. – Расфасовка... Понятые, подойдите, посмотрите и опишите это товарищу подполковнику, как вы это видите...

Я переглянулся с Анжелиной, вытащил из чехла на поясе мобилу, к окну отошел и стал набирать номер. Номер набрал, естественно, несуществующий. Но говорил уверенно:

– Виктор Нургалеевич... Как вы сказали? А... Понял... А когда он будет? Хорошо. Я перезвоню. Запишите, пожалуйста, если вам не трудно. Моя фамилия Онуфриенко... Станислав Павлович Онуфриенко... Да-да... Он хорошо меня знает... Просто необходимо... Срочно... Пусть сам мне позвонит... Обязательно...

Я убрал трубку и сердито отмахнулся рукой, делая вид, что сосредоточенно что-то соображаю. И посмотрел на Анжелину. Она была в отчаянии, в панике, ничего не понимала, до нее, кажется, даже не дошло, что в ее кабинете обнаружили пакетики с расфасованным героином, и не поняла, чем это дополнительно может ей грозить. И сейчас всю надежду свою она связывала со мной. В ее понимании я олицетворял мужественность и силу. И сейчас пришло время подтвердить ее восприятие.

– Виктору Нургалеевичу можете не звонить, – сказал подполковник. – Он в курсе дела и сам ждет от нас результата... Я с ним увижусь сегодня вечером. Хотите что-то передать?..

Я сердито отмахнулся. Передавать Виктору Нургалеевичу я ничего не собирался, поскольку понятия не имел о том, кто это такой, точно так же, как и Сергей Михайлович Петров не был с Виктором Нургалеевичем никогда знаком. Но Виктор Нургалеевич обязательно присутствовал в каждом нашем деле и всегда играл своим невидимым появлением важную психологическую роль...

– Кажется, все... – сказал подполковник. – Первыми подписывают протокол понятые...

Анжелина, кажется, готова была упасть, когда ей сказали о задержании минимум на три дня.

– Я попробую что-то сделать... – пообещал я твердо. – Не волнуйся, разберемся... Я тебе обещаю...

– Адвокат фирмы... – начала она.

– Адвокат фирмы не потянет... Профиль не тот... – позволил я себе не согласиться, даже не зная адвоката фирмы в лицо. – Адвоката, если понадобится, я найду самого лучшего... А лучше вообще без адвоката обойтись... Есть некоторые соображения... Положись на меня...

Она посмотрела мне в глаза с надеждой. Она очень на мои глаза надеялась, на мою решительность... А я, если обещаю, обязательно человеку помогаю. Если помочь не могу, я просто не обещаю. Помогу и ей... Трое суток в «обезьяннике» для женщины, собравшейся покупать виллу на Лазурном Берегу, – это слишком... Но дать ей возможность посидеть там хотя бы несколько часов просто необходимо... «Обезьянник» в отделении общих, без камер, без разделения по полу и социальной опасности. Сейчас Анжелину там уже ждут несколько самых вшивых и синемордых бомжей, каких только можно во всей Москве отыскать, пара основательно избитых проституток и пара пьяных малолетних хулиганчиков, старающихся показать, что они урки конченные и никого не боятся... Это стандартный набор, который готовит Петров для каждой «моей женщины». После такого общества ни одна «светская львица» не пожелает повторить экскурсию в ментовку...

Не всегда пойдет даже по повестке...

Но я берусь ее дела уладить, поскольку мне «обезьянник» в настоящее время не грозит...

Да и, говоря честно, после чеченского зиндана любой, самый грязный «обезьянник» в России мне покажется курортом. Точно так же, как и Волку... Кто попробовал худшего, уже не страшится мелочей...

* * *

Я от природы человек не добрый, но я не всегда бываю злым. И я не от доброты, а от отсутствия злобы помогу Анжелине. Хотя у меня есть причины на нее обижаться...

Свою партию я, как композитор, разыгрывал по нотам, мною же написанным. Я через свою агентуру, которая и слыхом не слыхивала, что она является моей агентурой, узнавал, кто интересуется серьезной недвижимостью на дорогих заграничных курортах, через своих знакомых, не ведающих, естественно, о моих целях ровным счетом ничего, познакомился с такой женщиной. И позволял ей в себя влюбиться. Может быть, она и не была первоначально влюблена. Просто она была слегка увлечена... В этом случае разыгрывается классический вариант. Я какое-то время старательно делал вид, что полностью охладел к ней. Это действует стопроцентно. Такие властные и высоко себя ценящие женщины, к тому же достаточно привлекательные внешне, не могут понять, как это кто-то может их бросить... Они сами привыкли бросать мужчин... И они кидаются сначала догонять, а потом предпринимают все усилия, чтобы вернуть временную пропажу... Я на усилия Анжелины поддавался не слишком охотно. Тогда она попыталась меня просто купить... Не деньгами, потому что я сам производил впечатление человека не бедного, хотя на вопрос, чем я занимаюсь, всегда отмахивался – так, мелочь: нефть, газ, цветные металлы... Энное количество акций в прибыльных предприятиях... Не слишком много, но на жизнь хватает... Но она, как торговка опытная, стала вроде бы невзначай подсовывать мне фотографии своей предполагаемой покупки, о которой я знал еще до знакомства с ней. А на мой слегка равнодушный вопрос уже начала рассказывать... Вилла стоимостью миллион восемьсот тысяч евро... Лазурный Берег Франции... Горный воздух и вид на море... Двадцать минут по дороге до моря... Дорога хорошая... Обязательно купит для виллы «Феррари» или «Ламборжини»... На другой машине там ездить, говоря моим языком, запахло... Если ездить вообще лень, море приходит на виллу само – водопровод специально качает в бассейн морскую воду...

Такую вот цену предлагала Анжелина...

Я тем не менее в восторг не приходил, потому что не люблю напрасно обнадеживать женщин, но и больше не отодвигался усердно в сторону...

Вообще-то мне не нравится, что меня покупают. Мог бы, честно говоря, и обидеться, поскольку я не вещь, а живой человек и очень даже недурен собой... Но от хорошего настроения я Анжелину простил...

И, конечно, в меру своих сил помогу ей выкрутиться...

2. ПОДПОЛКОВНИК ПЕТРОВ

Вообще-то надо как-то этот вопрос поднимать и решать кардинально... Причем сделать это следует до того, как деньги будут лежать перед нами на столе и чей-то глаз к ним уже начнет привыкать... К определенной сумме привыкать – мать вашу!.. Делить заработок в равных частях – это несправедливость вопиющая, и вообще нигде такого не бывает. Я, слава богу, не член ихнего треклятого боевого братства, и мне их сопливые сантименты чужды. Поэтому разговаривать нам предстоит всерьез... Да, согласен, согласен я, что основную подготовительную работу проводят Онуфрий с Волком. Большею частью один Онуфрий. На это при разговоре тоже следует внимание обратить, чтобы они друг на друга тоже по-волчьи поглядывали – работают по-разному, а получают одинаково. В чем правда? Но весь риск дела, если разобратся, падает – мать вашу! – на меня. Они уйдут в сторону, просто в бега, если будет необходимость, ударятся, за границу смотаются, а я отвечать останусь... Да если даже и смотаться не успеют, в любом случае с кого больше спросят, кому больше накрутят?.. Вопрос обсуждению не подлежит... Я человек при серьезной должности. И рискую больше всех, потому что везу задержанных в управление, и мнимую наркоту тоже везу... Если кто-то из начальства обратит на мои действия внимание, придется официально проводить экспертизу, регистрировать все протоколы, проводить записи о мероприятиях через журналы регистрации происшествий и, следовательно, попадать в сводки, чего мне не очень хочется... Чего мне очень не хочется! Понятно, конечно, что алебастр с кофе вместо красителя, перемешанные кухонным миксером и подготовленные к расфасовке в кооперативном гараже Волка, под настоящий героин не прокатит. Если возникнут вопросы, всегда можно списать на то, что отреагировал на анонимный сигнал, а сигнал оказался ложным – кто-то захотел доставить генеральному директору «Евразии» мелкие неприятности. И отослал такую посылку, и даже на книжную полку за пыльные книги несколько мелких пакетов бросил. Розыгрыш, проводимый – мать вашу! – не от доброты, понятно, душевной... Провокация, дескать... Те самые мелкие неприятности, и не больше... В этом случае даже извиняться перед бабой не придется, хотя она наверняка скандал пожелает устроить и затребует, чего доброго, компенсацию через суд. За моральный ущерб, как они это теперь называют... Нахапала деньжищ, торговка, и думает, что лично ее трогать нельзя ни в коем случае. Это такую же бабу, что на базаре торгует продуктами, которые ей какой-нибудь азербайджанец привозит, поскольку по новым законам сам торговать права не имеет, – эту вот бабу можно таскать в «обезьянник» хоть по три раза в день. Она никакого морального ущерба возмещать не захочет и рада будет, что просто так, за мешок картошки и три килограмма лука для дежурного отпустят ее восвояси. У нее просто денег не наберется на час работы хорошего адвоката, который сумеет суд убедить. А Качурина любому адвокату заплатит... Если виллу на Лазурном Берегу покупает, она может целый полк адвокатов нанять и беднее от этого, надо думать, не станет.

Правда, меня никто не обязывает показывать ей документы о прекращении дела. Это я просто так продумываю, как вариант, на всякий случай... Брат учил меня, что всегда следует думать о вариантах отхода, иначе пропадешь. Сам должен думать.

Он однажды сам не подумал, начальству доверился, и в итоге угодил в плен вместе со своими парнями... С этими вот, двое из которых сейчас, можно сказать, под моим крылом... Птенчики... Питомцы братовы...

* * *

Театр мы казали по полной программе... По дороге в управление заехали на квартиру к Качуриной. Без предварительного предупреждения, чтобы она снова не вздумала адвоката тре-

бовать... Не положен адвокат во время обыска... Приехали, значит, и там я уже ее в известность поставил – зачем и почему... Пригласили в качестве понятых соседей, что хозяйке, конечно, не доставило удовольствия. И соседям, кажется, тоже... Дом элитный... Живут люди не бедные... Не любят, когда их беспокоят, а уж когда беспокоит милиция, чтобы привлечь в качестве понятых, – не любят тем более. Но все же две женщины согласились. Больше от любопытства, чем из уважения к серьезным органам. Я по взглядам, которые они на Качурину бросали, понял, что с такими соседками она близких доверительных отношений никогда не займет... Завидуют и всегда подгадить готовы...

Но этот обыск, как и планировалось, был выполнен только для проформы. В квартире ничего не нашлось. Онуфрий посчитал, что пакетики с героином в квартире могут навести Качурину на мысль, что их подбросил он. И в квартире, и в офисе он бывал часто. Другие мужчины в квартире в последнее время не появлялись. Если предположить, что подставу организует мужчина, то подозрение, естественно, должно пасть на него... А тот человек, на которого Качурина может подумать, ключей от квартиры уже не имеет и давно уже в списке гостей не значится.

Короче, с пользой потеряли время... Но потрепали Качуриной нервы дополнительно. А это, как Онуфрий решил, полезно...

* * *

В этот раз мне пришлось обходиться без своих собравцев, потому что дежурила смена, которая с нами уже выезжала на дело полгода назад. Тоже могут вопросы задать, что и как, почему такое повторение сюжета... Это ни к чему. Служба собственной безопасности все разговоры в коридорах отлавливает... Парни – уши нараспашку – мать вашу!.. И я ловко вывернулся, взяв группу захвата из отделения. Когда в управление приехали и парни заносили коробки ко мне в кабинет, капитан, командир группы захвата, сказал вдруг:

– Я где-то видел этого парня... Того, с волчьими глазами... Юриста...

Я ловко вывернулся.

– Видел, узнал и навсегда забудь... Он такой же юрист, как я и ты... Это майор из федеральной службы контроля за оборотом наркотиков. Он нас туда и вывел... Птица не нашего полета, и отчитывается там, куда нас не пускают... Понял?

У капитана глаза округлились, потом стали смешливыми.

– Майор? А я уж думал, как приеду, посмотрю каталог по розыску... Оттуда, думаю, что ли...

– Работает законспирированно... Так что, встретишь где его, узнать не должен. Понял?

– Так точно, товарищ подполковник...

– И капитан, что с нами был, оттуда же... Они большую операцию проводят... Мы так... Помогли, сбоку постояли, чтоб им – мать вашу! – не светиться, потому как и дальше в тех кругах крутятся... Но забудь про это. Даже жене – ни слова... Сегодня было только маленькое звено. Начнешь болтать, можешь остальному помешать...

– Моей-то сороке вообще ничего сказать нельзя. Это уж я ученый... По всему свету за пять минут разнесет... И переврет все...

– Вот-вот... – я даже пальцем капитану внушительно пригрозил. – Задержанная где?

– В «обезьяннике». Несolidно, конечно, такую дамочку там держать – там у вас такая сегодня публика подобралась... Водилы с тех машин – самые приличные, хотя не брились уже неделю. Привести на допрос?

– Без тебя, когда надо будет, приведут... Можешь забирать группу и отправляться восвояси. Я вашему начальнику позвоню, похвалю вас... Аккуратно работали, четко, молодцы...

Капитану, я видел, очень хотелось еще поучаствовать в «большой операции», но я откровенно отшивал его, и возразить он не мог. Ушел, а я тут же обещание выполнил – позволил начальнику отделения и похвалил его группу захвата. Каждому начальнику такое приятно услышать, отчего же не доставить человеку удовольствие... Мало ли, придется еще обратиться... Я сам еще два года назад замом в отделении был, знаю, как редко удается похвалу заслужить...

* * *

Сначала я водителей-дальнобойщиков допрашивал, подробно записал сцену с попыткой ограбления контейнера, вызвавшей у водителя подозрение, «пробил» по базе данных номер «Ниссана Патрол», который один из водителей записал.

– Что ты мне «вешаешь»... – сказал я, глядя в компьютер. – Есть в Москве машина с таким номером, только это «Хендэ Акцент», а не «Ниссан Патрол»... Владелец – артист театра и кино... Известный человек...

Я минуту подумал, потом потребовал:

– Давайте данные на тех четверых, что с вами были...

Дальнобойщики переглянулись. Как и было просчитано, они данные на свидетелей не записали. Если ограбление не состоялось, значит, и записывать нечего... Предполагать, что в машину подсунули наркоту, водилы не могли.

Если бы дело развивалось по-настоящему, я поморил бы их камерой дня три. Сейчас они просто мешали, и парней отшить стоило побыстрее.

– Где ночевать собирались?

– У «Евразии» своя гостиница... Со стоянкой...

– До завтра – мать вашу! – свободны, пока я все проверю... Завтра к двенадцати часам – ко мне... Если уедете, на себя пеняйте... С трассы снимут, машины там и оставят, а вас в наручниках в камеру...

Но водилы и этим были довольны...

Я подписал им пропуска и отпустил...

* * *

Допрос же Анжелины Михайловны Качуриной я специально оттянул до самого вечера. И начал-то его уже под конец рабочего дня, чтобы начальство случайно в кабинет не заглянуло. Но у нас начальство не любит по вечерам задерживаться, и правильно делает, иначе мы все бы в нищете жили... Да и потому еще торопиться не надо было, что Качуриной следовало к допросу соответствующим образом подготовиться. А то приведи ее прямо из кабинета, она рогом упрется и будет адвоката требовать. А сейчас, когда рядом с бомжами и битыми шлюхами посидела три часа, она рада-радешенька, что я ее на допрос вытащил. От бомжей за три километра мочой воняет – никакими французскими духами не спасешься, сама, кажись, уже тоже провоняла. А у одного из тех синих стервцов старая рана в голове, и в ране черви копошатся. Приятно дамочке посмотреть. Я этого бедолагу-ублюдка специально настропалил, чтобы он к Качуриной все норовил поближе сесть и поговорить по душам. Вот уж она, наверное, по «обезьяннику» – мать вашу! – поскакала... И ко мне прибыла в настроении подходящем, весьма уже к необходимой истерике близком. А я тут еще добавил ей, положив на стол акт экспертизы из другого дела, настоящего.

– Вот, уважаемая Анжелина Михайловна, предварительный акт экспертизы. Две посылочки, что к вам пришли, содержат чистый героин, предположительно афганского изготовления... Афганский, знаете ли, легко определяется. Он чище другого. Они ацетон хороший

используют. А в тех пакетиках, что нашли в вашем кабинете за книгами, героин, стало быть, из другой партии. Похуже будет...

– Господи, разбуди меня... – обхватила Качурина лицо ладонями и размазала краску на правом глазу. Женщина она состоятельная, могла бы, наверное, позволить себе такую краску, которая не размазывается. Есть же, кажется, такая...

– Проснуться вам придется, судя по всему, в камере СИЗО... Знаете, что это такое?

– Что такое? – растерянно переспросила она.

– СИЗО – это следственный изолятор. Но вы уже, наверное, привыкли... Там в камере такая же публика, как у нас в «обезьяннике», только немного покруче. Вы, главное, сразу не давайте себе на шею сесть... Там опытные уголовницы верховодят, если слабину дадите, издеваться будут... Чуть что, сразу ногтями в физиономию, и не бойтесь последствий... За себя постоять сначала придется, без этого нельзя. И контролерам не хамите. А то в женском отделении контролерши злые... За одно слово, за интонацию, за взгляд даже избыют и нос ломают... Такие изуверки...

Она уже готова была умереть, только бы в «обезьянник» не возвращаться, и убить, чтобы в СИЗО не попадать. Вот в таком состоянии я и начал проводить допрос, незаметно поглядывая на часы. Задавал вопросы, медленно записывал ответы, чтобы было о чем еще поговорить до назначенного времени «Ч». А когда это время наступило, раздался телефонный звонок.

– Подполковник Петров, слушаю... – ответил я деловым усталым тоном. – Да, Виктор Нургалеевич... Да-да... Мы давно это дело разрабатывали, товарищ генерал... Так... Да-да, я понял... Она у меня сейчас сидит... Допрос веду... Нет, товарищ генерал, вину не признает... Говорит, это или случайность, ошибка, или провокация... Ну как же, Виктор Нургалеевич... Да обвинения-то я могу хоть завтра предъявить... Лучше бы в СИЗО... Понял, товарищ генерал... – я встал по стойке смирно, чтобы видно было, что меня отчитывают и дают втык – матерь вашу! – по всей форме. – Так, хорошо, товарищ генерал. Я понял... До свидания...

Я положил трубку и посмотрел на Качурину, слушавшую внимательно, самым тяжелым взглядом, какой только смог из себя выдать. Я, конечно, не Онуфрий. Будь у меня его взгляд, я давно уже руководил бы следственным управлением всего МВД, потому что от такого взгляда самый закоренелый со слезами «в признанку» пойдет... Но и мой взгляд ее припугнул...

– Прочитайте и подпишите протокол... На каждой странице подпишите: «С моих слов записано верно», и подпись... Потом я возьму с вас подписку о невыезде... И... Защитнички у вас выискались... Я выведу вас... Там вас в «Хаммере» тот ваш юрист, наверное, уже ждет... Если не ждет, то скоро подъедет... Хороший, наверное, юрист, если его серьезные ментовские генералы слушаются... Меня бы так слушались... Я ведь тоже юрист по образованию... Тогда бы и преступлений было меньше...

Столько горечи и обиды было в моем голосе, столько стыда за испытанное унижение, когда почти раскрытое дело пытаются завалить звонком сверху, что я всерьез пожалел свою загубленную жизнь. Надо было в артисты идти, а не в юристы – матерь вашу!..

А Качурина и протокол читать не стала – подписала не глядя и торопливо, дрожащей рукой. Психологическая обработка была выполнена точно и тонко. Она уже сломалась и готова на все, лишь бы сюда не возвращаться. Сейчас Онуфрий дело докончит. Он в таких делах большой спец... За что и уважаю...

Я оформил подписку о невыезде. Она с разбегу подписала и ее. И сразу встала, готовая галопом скакать к выходу.

– На днях я подготовлю обвинительное заключение, – все же постарался я испортить ей настроение. – Тогда уже не генерал, а суд будет решать, где вас содержать до судебного заседания. Скорее всего, придется переселиться в СИЗО. По такой серьезной статье... Я не помню случая, чтобы суд оставлял человека под подпиской...

– И что мне грозит? – наивно спросила она.

– От двенадцати до двадцати лет в исправительной колонии строгого режима. Объем героина большой. Могут по верхнему пределу дать... Это уже не от меня, а от прокурора зависит... – пообещал я, поднимаясь из-за стола, пока она не вспомнила про вещи, которые у нее забрали. Хотя сумочку вернуть все же придется. Ключи от дома, от машины, документы – это ей необходимо. Из всех вещей меня интересовал только мобильник, который уже подавал несколько раз свой развеселый голосок, и я во избежание лишнего шума в кабинете просто выключил его. Но отдавать его, даже если попросит, нельзя. Контакты Качуриной необходимо в ближайшее время исключить, чтобы они не помешали Онуфрию. Поэтому на вопрос о мобильнике я подготовил версию о необходимости исследования ее последних телефонных контактов...

Она на радостях и про мобильник не вспомнила...

* * *

Онуфрий подъехал, как раз когда мы вышли на крыльцо. Я спускаться не стал, а Качурина вприпрыжку поскакала к машине. Машина высокая, не каждый сразу заберется в такую, а она просто влетела в открытую дверцу. И сразу, дверцу не закрыв, пристегиваться стала. Это, как я понял, чтобы я не смог, передумав, ее из кресла вытащить...

Я презрительно рожу скривил и руки на груди скрестил. Это условный знак, понятный Онуфрию. Если я в такой позе, значит, дело идет в лучшем ключе и ему необходимо продолжать сразу додавливать ее, пока горяченькая...

Онуфрий сигнал принял...

* * *

– Ты еще не уходишь? – спросил дежурный.

Тон я уловил и вовремя среагировал, чтобы в ловушку не попасть. Ловушки для дураков у нас устраивать умеют. Попадешься – радоваться долго не будешь...

– Дел полно... Да сейчас пойду... У меня важная встреча... Серьезные документы должны передать... Как раз чего прокуратуре не хватало... А то дело «всяком» могло стать... А что ты хотел?

– Вызов срочный. Послать некого. Все в разгоне... Одни стажеры остались... С ними кого-то надо бы...

– Приедут опера, сами и сгоняют... – на уговаривающем тоне меня не купишь. согласишься – самое малое до утра застрянешь. Не в первый раз такое...

В кабинете я заварил в большой кружке крепчайший чай, чтобы голову освежить, но выпить не успел, когда позвонила Людмила, жена старшего брата.

– Сережа, здравствуй, ты как сейчас, очень занят?

– Привет. Я всегда очень занят. А что от меня требуется?

– Ленька опять бесится... Я уж от соседей звоню, домой идти боюсь... Ты ж знаешь его... Три дня подряд не просыхает... С тех пор, как ты уехал... То в стены головой колотится, то плачет... На меня, только подойду, то рукой, то ногой машет... Попадет, кто меня собирать будет?..

Она у брата хрупкая. Если Ленька рукой или ногой попадет, уже собрать Людмилу не удастся... Я его много раз предупреждал, а он говорит, что только отмахивается, чтоб не доставала... Никогда, говорит, не бил и не ударит...

Вот так всегда бывает. Как я со спецназовцами брата встречаюсь, он словно чувствует и куролесить начинает... Отставной капитан... Командир роты... Хоть бы постеснялся... А то ведь не Людмила, так соседи ментов вызовут, и я помочь не смогу... В ихнем отделении у меня

отношения с начальником плохие... И на меня тень ляжет... Это только на словах – брат за брата не ответчик... А зачем тогда близких родственников в анкетах указывать?..

– Ладно, Люда, сейчас заеду...

* * *

Закон подлости в очередной раз сработал. Как назло, по Москве проехать было невозможно. Вроде бы по времени пора и рассосаться пробкам. А они только растягиваются. Больше часа добирался, хотя это и недалеко.

Двор дома, где брат живет, мне никогда не нравился. Шпанистое – мать вашу! – место... Там мой новенький серьезный «Лексус» оставлять без присмотра страшно. Спуститься с четырнадцатого этажа не успеешь, машину уже разбомбят и разгромят, несмотря на сигнализацию. А я не спецназовец, как брат, чтобы из окна с парашютом прыгать...

Подъезжая к кварталу с улицы, я подумал было загнать машину на охраняемую стоянку к какому-то офису неподалеку, не знаю даже, что там за офис... Я там уже оставлял как-то раз. Стабильная ситуация – сто рублей охраннику сунешь, он твои погоны уважит. Беда только, что от этого офиса идти через перерытый пустырь по грязи, да и с братом разговаривать долго я не собирался. И решил прямо к подъезду подкатить. Там хоть из окна за машиной посмотреть можно. А если кому проехать надо будет, через бордюр объедет.

В нужном мне подъезде светились все окна. Обычно не все светятся. Как-то странно это выглядело, словно бы в праздник... И люди на дороге толпятся, словно что-то там случилось. Подъехал ближе и возле подъезда толпу увидел. И в газоне рядом с тротуаром тоже. Меня увидели, расступились. Не передо мной, а перед моими погонями, понятно...

Брат лежал в газоне, исковерканный от удара. С четырнадцатого этажа без парашюта даже спецназовцу прыгать не рекомендуется. У Леньки ведь больше тысячи прыжков... И все удачные... А в этот раз парашют забыл...

Я наклонился, пульс прощупал. Глупо, конечно, не может быть пульса после такого падения... Но все равно долго теплую еще руку держал, словно на что-то надеялся. А потом ладонью глаза ему закрыл. Они закрываться никак не хотели – в небо были устремлены, в темное и тучами покрытое... И болью были наполнены... Ленька после плена, как говорил, ни одной ночи нормально не спал – от боли страдал... Двенадцать с лишним лет...

– Людмила где? – спросил я.

– Кто? – из темноты за моей спиной прозвучал встречный вопрос.

– Людмила – жена его...

– Дома, наверное... Ей с сердцем хреново... На глазах у ей... – сказал пьяный косоглазый мужичок. – Сквозь стекло, дурак, прыгнул... Открыть не мог... Бабе теперь еще и стекло вставлять, а не то все батареи разморозит, весь дом, считай, без тепла останется... Не весь, так хотя б подъезд... Тож людям хреново...

Захотелось врезать мужичку между сведенных к переносице глаз, чтоб глаза нормально смотреть стали. Но, когда в форме, этого делать нельзя... Неправильно понять могут... Или делать это следует в своем кабинете, где посторонних нет и некому накапать на тебя, что ты глаза человеку умело выправляешь...

– Милицию вызвали?

Вопрос был лишним, потому что милицейская сирена уже звучала, приближаясь.

Я не стал ждать ментов рядом с братом. Вошел в лифт и нажал кнопку четырнадцатого этажа. Дверь в квартиру была распахнута. Окно в большой комнате зияло проломом. Осколки еще висели по краям рамы. В дверях спальни две женщины стояли, незнакомые. Наверное, соседки. И еще кто-то что-то говорил в самой спальне. Я заглянул. Людмиле мерили давление. Она лежала на кровати с закрытыми глазами. Я не стал заходить. Сел к столу, где на тарелке

были соленые огурцы порезаны кружочками и стоял наполовину наполненный стакан с водкой. Пустая бутылка валялась под столом на боку. Там же, рядом с бутылкой, лежала раскрытая общая тетрадь с какими-то записями. Я узнал каллиграфический почерк брата, основательно подпорченный хронической пьянкой, и поднял тетрадь. И, сам не зная для чего, сунул ее в карман форменной куртки...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1. ОНУФРИЙ

Я плавно вдавил педаль газа, отъезжая от ментовки, а она отворачивалась, стараясь на крыльцо не смотреть, где все еще стоял подполковник Петров. Руки на груди скрестил, как памятник. Сигнал подает. Я понял...

Естественно, в таком незавидном положении оставлять Анжелину одну было нельзя. Нельзя было этого делать и по другой, более прозаической причине, нежели человеческое отношение к своей любимой на данный момент жертве, – чтобы не допустить подсказок со стороны и наградить большим количеством своих подсказок. И домой отвозить ее тоже не стоило, потому что, не дозвонившись на мобилу, знакомые и домой могут позвонить – некоторые люди знают еще номера квартирных телефонов и даже пользуются ими. Разговоры об обыске и о задержании наверняка уже пошли и в фирме, и в кругу близких и дальних знакомых, и найдется много желающих помочь. Один сердобольный умник адвоката предложит, а то и трех сразу, чтобы дать каждому из них серьезно заработать, а адвокаты потом и самому сердобольному умнику что-то «откатят», другой предложит своими связями воспользоваться, но за пользование связями тоже платить придется. Моя задача выглядела просто – хотя бы на один сегодняшний вечер удержать ее от всяких контактов. И дожимать до такого состояния, чтобы она, как говорится, сама созрела для правильного решения... Звонить будут мне, это предусмотрено планом. Звонить будут несколько раз, якобы разные люди... И будут передавать «сведения»... Моя квартира вполне подходит для продолжения работы, хотя зеркал там пока недостаточно много...

Анжелина всю дорогу подавленно молчала, переваривая происшедшее с ней, и поняла, куда мы едем, только после того, как я остановился во дворе.

– Мне бы домой... – сказала неуверенно. Настолько неуверенно, что я, ожидавший более настойчивой просьбы, вынужден был оставить про запас свои заранее подготовленные аргументы. Для начала можно и мягкие уговоры проявить. Это тоже действует...

– У меня лучше... – сказал я почти твердо, но просто, как о вопросе давно решенном.

– Хочу в ванну на три часа залечь... И глаза закрыть... На три часа утонуть хочу...

– Кажется, у меня тоже где-то ванна была... – заметил я. – А три часа времени я тебе выделю... Может, даже четыре... – И добавил уже мягче: – У меня ванная большая, хорошая, с джакузи... Напряжение снимает, станешь свежая и стойкая, как гриб мухомор...

– Мне переодеться надо... – она настаивала робко и неуверенно. У нее, наверное, просто сил не было на сильное противодействие. – Ты даже не представляешь, где я была... Они меня за решетку сунули... В клетку... Со всякими... Там бомж какой-то... У него рана на голове... И черви в ране... Он все ко мне поговорить о жизни лез...

– Бомжи любят рассказывать, какими они были раньше значительными людьми... – сказал я со знанием дела. – Рассказывал?

– Рассказывал...

– Я рассказывать о себе не буду, у нас есть еще о чем поговорить... К тому же я не бомж, и раны на голове в настоящий момент у меня нет, тем более с червями... Пойдем... Информация будет поступать ко мне домой...

– Какая информация? – не слишком заинтересованно спросила Анжелина.

– Важная... Касающаяся тебя...

На первом этаже я позвонил в квартиру к дворнику. Вышла его жена, но дверь широко не раскрыла, чтобы не высунула наморщенный в рычании нос Марфа, овчарка дворника.

– Дома дядя Леша?

– Алексе-ей... – позвала она.

Дядя Леша вышел, и Марфа все же выскользнула, подозрительно нас обнюхала. Но при хозяйине она агрессивности не проявляла, хотя не проявляла и приветливости. По крайней мере, хвостом не пошевелила. Анжелина, кажется, даже не заметила, что собака ее обнюхала.

Я молча протянул дяде Леше пятьсот рублей и ключи от машины.

– Понял, Стас Палыч...

Это мой персональный охранник, золотой и честный человек. За пятьсот рублей, когда мне не хочется отгонять машину на стоянку, дядя Лешка ночует в машине вместе с собакой. И я и он довольны. Три-четыре раза в месяц – и ему уже существенная прибавка к зарплате...

* * *

Вопреки угрозам и непоколебимым вроде бы законам физики Анжелина без проблем уложила обещанные три часа минут в двадцать... То есть не смогла долго в ванне сидеть и отмокать от нервной обстановки «обезьянника». Я предполагал это заранее, потому как предупредил ее, что «зарядил» информацию на поиск. Я дал ей надежду вместе со мной побороться за свое оправдание. Это ее небольшой и нестремительный «взлет», необходимый для последующего «падения», потому что без «взлета» и «падения» соответствующей степени тяжести не бывает. А вот «падение» после «взлета» бывает очень утомительным для нервной системы. «Взлет» – «падение»... «Взлет» – «падение»... Много раз повторяются... Это изматывает предельно, теряется ориентация в событиях, хочется немедленного – немедленного! – выхода из ситуации... И я начал ее изматывать... Конечно же, она сидела в ванной и думала о том, на что я обещал дать ей хоть какие-то ответы. И, выйдя в комнату в моем махровом халате с рукавами, закатанными до локтя, подметая пол полами, увидела меня задумчиво сидящим в кресле с трубкой мобильного телефона в руке.

– Звонили? – с надеждой спросила, прикладывая к мокрым волосам полотенце.

– Кто такой Гантов Александр Витальевич? – вопросом на вопрос ответил я.

– А что? – не поняла Анжелина и сощурилась, как от неприятного воспоминания. Не надо ей так щуриться, это делает ее некрасивой и сразу подчеркивает морщинки вокруг глаз. В другое время на морщинки внимания не обращаешь, а стоит только сощуриться, глаз за них цепляется. В ее положении можно было бы себе и имиджмейкера завести, который не только речи готовит и одежду подбирает подходящую к каждому отдельному случаю, но еще и за манерами следит.

Но, наверное, ей и правда было неприятно вспоминать этого человека. Мне на ее месте это тоже было бы неприятно.

– Кто он такой?

– Был у нас одним из исполнительных директоров... Два года проработал... Директор сектора реализации...

Очень скромно, Анжелина Михайловна... Так скромно, что это не дает никакой информации человеку, желающему помочь тебе. Так нельзя, так ты себя не доведешь до соответствующего состояния, потому что я не смогу помочь тебе в это состояние войти. А тебе войти в него необходимо...

– Что еще можешь про него сказать?

– При чем здесь Гантов? – она явно не желала входить в подробности и поднимать на поверхность пену от старых неприятностей, когда новые весомой волной налегли.

– На тебя сейчас работают три высококлассных специалиста из КГБ... – сказал я.

– Из ФСБ... – поправила она с легкой агрессией в голосе. Значит, ванна пошла ей не на пользу. Анжелина начала голову поднимать, и ее стоит чуть-чуть опустить ближе к настоящей ситуации, пригнать, чтобы не вошла во вкус и быть агрессивной больше не смела...

– Нет, в ФСБ они не работали... Они работали в КГБ, а потом стали работать на себя... Частный сыск... Но специалисты высочайшего класса, каких в нынешней ФСБ не осталось... Связи потрясающие... Вплоть до Кремля... Многих «на крючке» держат и потихоньку в информационном плане доят. Они задали вопрос...

Анжелина упала в кресло. Обреченно. Таким образом согласилась отвечать.

– У нас с ним были интимные отношения... – начала неуверенно, но тут же голос повысила: – Любовником он моим был. И пытался обокрасть «Евразию»... По-крупному... Я уволила его... Тихо, правда, без скандала... Но – уволила...

– Уголовного дела не заводилось... – сказал я утвердительно.

– Нет... Не заводилось... Около миллиона рублей он увести сумел... В общей сложности... Потом заметили... Я на это рукой махнула... Списали на убытки... Просто выгнала его, и все... Это было как раз накануне нашего с тобой знакомства... Откуда ты про него знаешь? И это все твои спецы?..

– Такие дела всегда следует доводить до логического завершения, – не ответив, выложил я банальную сентенцию, как нечто сокровенное. – А что Гантов делал сегодня на складе? Когда грузовики пришли...

– Нечего ему там было делать... Совершенно нечего... Не знаю вообще, как его пустили туда... Может быть, к знакомым пришел... Он везде старался знакомых на случай завести... Его все знали, он всех знал... Он такой... Обаятельный...

– Тем не менее его пустили, и вертелся он как раз около только что пришедших машин... Кроме того, Гантов был связан с наркодилерами... Его уже привлекали к одному уголовному делу по наркоте, но он сумел вывернуться и выступал только в качестве свидетеля... Четыре года назад...

– Он и сам... Баловался...

Я надолго и красиво задумался, неотрывно глядя на Анжелину. Роль сыщика-аналитика, сводящего концы с концами в таком запутанном деле, мне, кажется, вполне удавалась. Анжелина молча ждала, когда я перестану размышлять. Но размышлять мне было не о чем, потому что все было давно просчитано и каждая деталь должна была появиться в свое время. Она вовремя и появилась. Трубка подала голос, я ответил, выслушал бессмысленную болтовню Толика Волка, кажется, уже успевшего прилично набраться по случаю удачного начала дела, тем не менее расписание звонков пока еще выдерживающего. Хорошо, что он песни петь не начал. С ним и такое может случиться... Но, выслушав его, «перевел» болтовню по-своему, как «перевел» бы и песни, вздумай он их в самом деле исполнить. Тем не менее Толяна я аккуратно и сдержанно поблагодарил...

– Тебе что-то говорит название такой фирмы – «Транссиб»?

– А тебе оно ничего не говорит?

– Я знаю только Транссибирскую магистраль... Из школьных учебников... Это, кажется, была не фирма... И сейчас Транссиба как такового, кажется, не существует... Впрочем, я даже этого не знаю точно...

– Ты вообще по магазинам не ходишь? – она возмутилась, потому что для нее, как для женщины, занятой в торговле, магазин – дело почти такое же, как для священника храм.

– А зачем тогда я держу домработницу? Она ходит по магазинам... Через два дня на третий приходит, делает уборку и приносит из магазинов все, что мне требуется...

– ООО «Торговая марка „Транссиб“, так они официально называются, – наш основной конкурент. Аналогичный профиль, сходные технологии торговли...

Я начал умело и неторопливо подводить ее к версии.

– Были конфликты? Настолько серьезные, что их трудно было разрешить...

– С их стороны была попытка слияния и поглощения... Агрессивная... Еще когда мы только-только на ноги вставали... Мы выстояли и теперь уже «Транссибу» не по зубам...

– Гантов сейчас работает там. Но не выложит же он, мне кажется, да и сам «Транссиб» не выложит двенадцать миллионов баксов, чтобы тебя подставить...

– Не выложат... – согласилась она.

– Но подстава очевидная... Значит, кто-то выложил... А с подставой бороться невозможно, если не имеешь на руках более сильных козырей... Тебя, предположим, просто уберут на зону... Что тогда будет с «Евразией»?

Анжелина плечами передернула. Раздражается от одной такой мысли.

– Развал будет... Я – незаменима... Все держится на личных связях. Я раньше в министерстве работала... Связи прочные... Когда я в отпуск уезжаю, за месяц развал происходит... И в отпуске мне приходится по двадцать раз в день звонить, чтобы удержать положение...

– Допустим, они своего добьются и тебя уберут... Вот тогда и может наступить, как ты говоришь, «слияние и поглощение»...

– Может...

– Это дело может стоить двенадцать миллионов?

– Едва ли... Хотя кто знает...

– Значит, может... – сделал я вывод. – А какие отношения имеет «Транссиб» с Государственной думой?

Она посмотрела на меня, как на колдуна. Слава богу, на костер меня отправить не в ее власти. Но не зря же я столько времени готовился, чтобы именно колдуном и показаться. Неожиданные знания в посторонних областях всегда поражают воображение. И не пользоваться этим – грех...

– Это-то тебе откуда известно, если ты «Транссиб» не знаешь?

– Мне неназойливо подсказали...

Она в восхищении головой покачала, оценивая так, думаю, деятельность бывших сотрудников КГБ, занявшихся частным сыском.

– Один из их основных учредителей там заседает...

– Вот-вот... Был звонок от какого-то помощника депутата Виктору Нургалеевичу... Не конкретно, не назойливо, но... Давят...

– Давят, чтобы меня подставить? – переспросила она с возмущенным страхом, потому что много слышала, как бесполезно бороться, когда тебя со всех сторон, да и сверху тоже, пытаются придавить. И покрупнее фигуры, и нефтяные олигархи со своими возможностями сопротивляться не смогли. А я умышленно подводил ее к мысли о том, что сравнивать ее положение с положением нефтяных олигархов вполне корректно. Сам не подсказывал. Это она должна сравнение уловить и на себе ощутить все возможные прелести борьбы с государственной или даже просто чиновничьей машиной...

– Не меня же...

– Господи... Господи... Господи, за что?..

Мало обращая внимания на ее причитания, я позволил себе еще раз надолго задуматься. Теперь она уже не выдержала ожидания. Значит, после «взлета» Анжелина «упала» больно...

– Может, мне стоит связаться с адвокатом?

А вот это уже успех. Не зря мы с подполковником Петровым объединили усилия в одном, самом важном направлении. Раньше она уверенно заявила бы, что сейчас же звонит адвокату. Теперь уже, ударившись при «падении», только робко советуется. Как всякая бизнес-леди, Анжелина – стреляный воробей, то есть прошла закалку и многократно попадала в разные передраги, которые укрепляют характер. Наверняка несколько раз, особенно на первых порах, она была близка к разорению, наверняка многократно ей нечем было отдавать проценты по

кредитам, и она брала новые кредиты, как все делают, чтобы погасить предыдущие. И так до тех пор, пока прочно не встала на ноги. Но ни разу она еще не чувствовала себя бессильной в противостоянии с властью. Нет, наверняка с налоговой инспекцией судилась... Без этого не бывает, если взятки не даешь. Но никогда еще ей не приходилось выступать в качестве обвиняемого в уголовном деле, да еще таком серьезном...

С наркотой шутят только наркоманы, но и для них это кончается плохо...

– С адвокатом тебе придется связываться только в том случае, если против тебя откроют уголовное дело. То есть предъявят обвинение. Пока тебе его не предъявили... А если предъявят, обрати внимание на парадокс – адвокат уже будет бессилён что-то сделать... С другой стороны, ситуация складывается так, что, если ты сейчас наймешь адвоката, я уже буду бессилён что-то сделать...

– Почему? – не поняла она. Голос прозвучал слегка истерично. – Я же невиновна!

На это можно было ответить только псевдоумной банальностью:

– Невинным, как всем известно, тюрьма обходится дороже... Вина – это понятие относительное... Так в Чечне наш командир роты говорил... Если бы только эти посылки... Там нет никаких доказательств, и все можно списать на подставу... Мало ли кому вздумалось приклеить бумажки с твоей фамилией... Любой суд только одни посылки виной не признает... Но – пакетики на книжной полке... Они выступают не самостоятельным фактом, а в совокупности фактов... За одни пакетики можно было бы получить лет шесть... По совокупности могут потребовать и двадцать... Но обычно больше шестнадцати суд не дает... Хотя партия очень большая... Могут... И все из-за этих пакетиков...

Я их не так давно положил туда, они даже пылью, как книги, покрыться не успели...

– Господи... – взмолилась Анжелика. – Не виновата я, но вину свою чувствую... Не виновата, но чувствую... Я там еще, рядом с этими бомжами, чувствовать начала... Откуда я знаю, как пакетики туда попали... Откуда я знать могу...

– Их нашли в твоём кабинете, где ты хозяйка... Только ты одна... – мои слова звучали как суровое обвинение, после которого не бывает послабления...

* * *

...Азам психического давления я в Чечне, кстати, первоначально и обучался. На собственной, можно сказать, шкуре... Еще на самых первых допросах, когда мы не знали даже, что нас ожидает, разговаривать с нами начинали с одной и той же фразы: «Зачем вы сюда пришли? Это наша земля...» Этот вопрос задавался каждому многократно и с разной интонацией, иногда без ударов или плевков в лицо, иногда с ударами и с плевками в лицо, иногда с полным избиением человека, не имеющего возможности сопротивляться. Чеченцы били, как наши российские менты, – большой группой одного, не имеющего возможности дать отпор, иногда даже связанного... Били и опять повторяли, тихо или громко, яростно или истерично: «Зачем вы сюда пришли? Это наша земля...» И никакой реакции на попытки сказать в собственную защиту, что – солдат не сам приходит, его посылают по приказу... «Зачем вы сюда пришли? Это наша земля...» – звучало рефреном. И так на протяжении всего плена в трех разных местах разными людьми. И, когда после допроса мы возвращались сначала в зиндан, потом в сарай, потом в камеры гауптвахты, куда нас перевели перед обменом, вопрос продолжал звучать в ушах и угнетать. Это уже потом я понял, что вопрос задавался не случайно. Он для того и задавался так часто, чтобы вызвать у пленников угнетенное состояние, чувство вины, даже если ты не виноват, даже если ты не можешь решать за себя, где и для чего ты должен находиться. Более того, даже если ты знаешь, что тебя послали по дурости какого-то очередного генерала и ради тщеславного показа его отсутствующего воинского искусства. «Зачем вы сюда пришли? Это наша земля...» – через короткий период времени фраза уже повторялась и повторялась в

голове даже тогда, когда ты спал. Она давила на психику, вызывала чувство вины, угнетала до полной апатии ко всему происходящему.

А в угнетенном состоянии человек не способен к активному сопротивлению...

* * *

...Вертолеты выбросили нас на склон горы, покрытый грязным талым снегом. Около шести утра, как и предписывалось боевым распоряжением... Слишком теплым выдался декабрь, чтобы снег устоялся, и слишком низко нас высадили, чтобы снег здесь оказался горным, многолетним, который никогда не стаивает полностью... И высаживали отряд с таким расчетом, чтобы можно было быстро уйти в лес и потеряться там из поля обзора возможного противника. Но нам предстояло не от противника прятаться среди ущелий, а противника искать и определять его силы, вооружение, методы подготовки и боеспособность, маршруты передвижения, стационарные и запасные базы. То есть выполнять обычную работу армейских разведчиков.

Но и выбросили нас с опозданием на два дня против планируемого, поскольку низкая облачность, дожди, перемежающиеся с мокрым снегом, никак не позволяли вертолетам вылететь. Трижды за два дня нас сажали в вертолеты, трижды начинали шуметь над головами винты, но потом стихали, и объявляли отбой. Подождав еще пару часов на аэродроме, мы возвращались в часть, от ожидания уставшие больше, чем можно было устать от тренировочного маршброска в полной выкладке и в противогазах...

Думали уже, что операцию отменят. Но потом все же солнце пробилось к земле, реанимировав надежды штабного генерала. Нас подняли ночью, задолго до его восхода, и наконец-то отправили. Этого «наконец-то» жаждали все мы, не воевавшие, но в себе уверенные, рвавшиеся к большому делу. Забылись недоумения, вызванные случайно подслушанным разговором. Мало ли у кого какое мнение. Если посылают, значит, так надо...

«Зачем вы пришли сюда? Это наша земля...» – это прозвучит потом и превратится в рефрен, не покидающий голову. А тогда мы еще были уверены, что эта земля и наша тоже. По крайней мере, так нам говорили с детства про Советский Союз, потом так стали говорить уже только про Россию, и мы не хотели, чтобы Россия повторила судьбу Советского Союза...

Прыгали с высоты метра в полтора, в рассвет и в наползающие со стороны низкие, обнимающие склон хребта облака. Вертолетчики подгоняли, потому что их эти облака пугали своей глубиной и скоростью передвижения. Не было гарантии, что, даже высоко поднявшись, попадешь в чистое небо. А в облачность летать в горах – смерти подобно... Но нас и подгонять не надо было. Мы сами торопились...

Куда же мы так торопились...

А вот этого мы еще не знали...

А торопились мы почувствовать собственную несуществующую вину, потому что не бывает вины объективной, всякая вина субъективна... «Вина – понятие относительное», – скажет потом командир роты капитан Петров в ответ на вопрос кого-то из солдат: «А в чем мы виноваты? Чувствую вину, а в чем виноват, понять не могу...» К тому времени капитан не мог руками махать, как обычно, – его избивали больше других и сильнее, но говорил пока еще все так же быстро и отрывочно, к концу фразы часто забывая, с чего начался разговор, и перескакивая на другое:

– Виноватые для противной стороны всегда найдутся... Перед собой как невиновным быть?..

Он думал только о том, что это он приказал нам сдаться в плен и что он создал ситуацию, когда плен стал неизбежностью. Он принял такое решение. Прав он был или не прав – капитан сам не понимал. Слишком много переплелось в один клубок...

Но вину он чувствовал остро...

* * *

Анжелина вроде бы и плакала без слез, и дрожала от горестного возбуждения, и не знала, что ей делать. Я специально так кресла поставил, чтобы иметь возможность на нее смотреть. Мой взгляд добавит ей чувства вины. А я могу себе позволить и порассуждать на эту тему до следующего звонка Волка.

– Если разобраться, то все мы виноваты... И я, и ты... Ты сама —*пробовала?*

– *Пробовала...* Кто не пробовал... – она ответила уже чуть озлобленно. Это понятно. Вину на себя она принимать не желает. А надо бы принять не вину, надо почувствовать полностью угнетенное состояние, как мы чувствовали тогда, в Чечне... Вина – она сама потом придет, и в дверь не постучит... До такой степени угнетенное, чтобы не желать ничего, в том числе и избавления от обвинений... И только о спокойствии думаешь. О спокойствии, которое хочешь добыть любой ценой. Но разговор о цене еще впереди...

– Я не пробовал... – заявил я. – Не хочу и не буду... Но и ты, и я, когда видим, как другие «балуются», не обращаем на это внимания. Считаем привычным и почти нормальным явлением. А внимание обращать надо...

– Стучать, что ли?..

– А вот этого я не знаю... Стучать не обучен, а как обращать внимание, не знаю... Только сейчас наркота так уже по стране расползлась, что и тех задевает, кто даже «не пробовал»... Если это национальная беда, следует быть готовым к жизни в нашей обычной национальной действительности. А какая у нас действительность? На протяжении столетий – какая? Это все мы хорошо знаем: «лес рубят, щепки летят...» Вот одна из щепок тебя и стукнула так больно...

– Спасибо, утешил...

А я не утешал. Я «раскачивал» ее... Выше подниматься, больнее падать... «Раскачивание» нервы треплет... Не закаляет их, а калечит...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.